

781

ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

1 9 3 0

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА

ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

*труды конференции
по вопросам сексуальной
педагогике
Москва 1930 г.*

Редактор А. В. Мольков
(Директор Гос. Института
Социальной Гигиены)

1 9 3 0

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ
М О С К В А

О Т П Е Ч А Т А Н О

В 21-й тип. „Мосполиграф“

Москва, Варварка,

Елецкий переулок, 7.

Главлит А—77429

З а к а з

2497

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА А. В. МОЛЬКОВА

Товарищи! Около года назад коллегией НКЗдрава был возбужден вопрос о необходимости проработать общими силами ряда научных институтов и педагогических работников проблему *полового воспитания*. Тогда же НКЗдравом был намечен организационный комитет, в который вошли т.т. Мольков, Баткис, Радин и др. Эта группа связалась с учреждениями НКПроса и НКЗдрава и, хотя, в силу целого ряда обстоятельств, работа организационного комитета шла не особенно быстрым темпом, но ему все же, наконец, удалось организовать начинающуюся сегодня конференцию *по вопросам полового воспитания*.

С научной точки зрения эти вопросы в настоящее время более или менее достаточно проработаны, для того чтобы начать проводить в жизнь задачи полового воспитания планомерно и целесообразно; это можно было бы считать в основном уже пройденным этапом; в нашей и европейской литературе накоплено достаточно данных; на многих съездах и конференциях у нас в послереволюционное время тема эта подвергалась обсуждению. Необходимость новой постановки ее на обсуждение вызывается тем, что все еще приходится договариваться относительно расстановки сил, договариваться относительно практического проведения в жизнь положений, с научной стороны хорошо уже освещенных. Над делом полового воспитания тяготеет своеобразный рок—это предрассудки, полученные от дореволюционного времени, которые еще и в настоящий момент делают этот вопрос специфическим вопросом, несколько обособленным от общих задач социального воспитания.

Эти предрассудки создают такое положение, что в настоящее время мы все еще не знаем, кто является главным ответчиком и главным рабником в этом деле в смысле проведения его на практике. Педагог массовый как-то старается от этого дела отойти; он не чувствует достаточного биосоциального багажа, который поставил бы его работу в правильные условия, а потому он охотно перебрасывает эту ответственную задачу на врача. Массовый врач, со своей стороны,

в этих условиях также не в состоянии многого сделать. Если он и обладает знаниями в области биологии, может быть, и социологии, то у него часто не хватает педагогической установки и нет никаких практических возможностей отдаться задачам воспитания и, таким образом, подойти к массовому ребенку.

Совершенно ошибочно переносить всю ответственность в этом деле на врача, работающего в области охраны детства. Здесь нужно найти какие-то координированные формы совместной работы, которые позволили бы точно определить основную ответственную роль той или иной категории работников и взаимную связь педагога и врача.

В этом смысле за истекший год орг. бюро настоящей конференции проделало некоторую подготовительную работу по согласованию взглядов и выяснению основных установок, которые получают отражение в тезисах, предложенных настоящему собранию.

Разрешите привести самую краткую справку о работе орг. бюро настоящей конференции: она базировалась на работе Института соц. гигиены, в сотрудничестве с Институтом охр. зд. детей и Институтом методов школьной работы. Уже в течение нескольких лет Институт социальной гигиены занимается изучением полового вопроса в различных разрезах. Ему удалось сгруппировать вокруг этой темы работу ряда институтов и отдельных работников. Это оформлялось в виде работ специального научного кружка по сексологии при Институте соц. гигиены, которому удалось проработать не только ряд теоретических предпосылок этой сложной проблемы и поставить ряд практических работ, но и установить связь с заграничными обществами, работающими в этой области, конечно, с теми, которые идеологически не чужды нам. (Там имеются и такие организации, с которыми нам идти не по пути). Недавно в Лондоне на конгрессе Международной лиги по сексуальной реформе по этому вопросу выступал наш представитель тов. Баткис. В Москве в 1931 году созывается Международный конгресс по половому вопросу. Полагаю, что та работа, которую мы проделаем на данной конференции, будет служить не только оформлению практических задач сексуального воспитания, но окажет свое влияние и на зарубежные, сочувствующие нашим установкам, пролетарские круги.

Наша работа даст материал, с которым мы по вопросу сексуальной педагогики выступим и на Международном конгрессе в 1931 году.

Д О К Л А Д Ы

А. В. МОЛЬКОВ

(Гос. ин-т соц. гигиены)

Половое воспитание в системе общего воспитания

Для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный в заголовке доклада, т.-е. о месте сексуального воспитания в общей системе воспитания, нужно прежде всего дать ряд основных установок самой проблемы и, прежде всего, условиться, что мы будем вкладывать в самый термин *сексуальной педагогики*. Нам хорошо известно, что существует точка зрения, не без основания утверждающая, что сексуальной педагогики нет и не может быть; и это верно: весь ход мыслей, который будет проходить в моем докладе, в конечном счете подтвердит это положение: никакой изолированной специфической системы сексуальной педагогики не существует. Тем не менее этот термин закономерен, поскольку он дает возможность в кратком выражении охватить сложный комплекс организованных воздействий, хотя и неотделимых от общей системы воспитания, но ведущих развивающийся организм к определенным результатам в смысле организации такого полового поведения, которое является целесообразным, отвечает потребностям социального коллектива и связано с задачей предупреждения и устранения аномалий, нарушающих интересы или самого индивидуума как члена общества, или общества в целом. В понятие полового поведения входит определенный комплекс проявлений человеческой деятельности, которая связана с теми или иными сторонами специфических взаимоотношений между двумя полами, а в некоторых случаях и между людьми одного и того же пола. Сюда входит понятие о всякого рода деятельности, будь ее проявление сознательным, преднамеренным или случайным; этот термин включает в себя не только половые вопросы или функции, как таковые, но

и взаимоотношения высшего правового и социального порядка, которые связаны с этой основной функцией. Сюда относятся такие проявления, как брачные и семейные отношения, отцовство, материнство, эмоциональные проявления личной любви, флирт и, наконец, весь комплекс бытовых взаимоотношений мужчины и женщины. Все это относится к комплексу понятий полового поведения.

В задачи полового воспитания входят не столько биологические моменты, сколько моменты социального порядка. Половое воспитание проходит под влиянием всей сложной суммы факторов, которые вообще организуют личность. Сюда, во-первых, входит категория факторов, планомерно организованных,—это система сознательно проводимых воспитательных воздействий; сюда входит также сумма факторов случайных, под влиянием которых формируется личность. Возьмем формирующегося ребенка, который подвергается большому количеству неорганизованных влияний: улицы, случайных встреч с товарищами, зрелищ, часто совершенно несоответствующих его возрастным потребностям и установкам. Он может наблюдать половую жизнь животных, может подвергаться злостным и преступным воздействиям со стороны окружающих взрослых и мало сознательных подростков и даже своих сверстников. И как общая задача воспитания личности, так и задача выработки тех частных качеств и свойств, которые мы называем «его установкой на половое поведение», конечно, могут быть планомерно проводимы лишь тогда, когда они находятся под влиянием организованных факторов. В жизни это почти не наблюдается или наблюдается очень редко, так как именно эта сторона воспитательного процесса чаще всего протекает в сфере случайных, неорганизованных условий, в которые жизнь ставит ребенка. Пока не осуществлена еще система максимального вовлечения детского коллектива в орбиту организованного воспитания, осведомленность ребенка получается из «недоброкачественных» источников и половые установки его часто формируются не так, как надо. Этому чрезвычайно содействуют пережитки ненормальных человеческих взаимоотношений, которые мы получили в наследие от нашего прошлого, от капиталистического общества, с его двойственной моралью, с его полной неидентичностью требований по отношению к отдельным людям, особенно рознящимся по своему классовому положению. Половая мораль всегда устанавливалась командующими классами при содействии сложного аппарата (к кото-

рому относится также и церковь) в направлении им выгодном и признаваемом «общественно полезным».

Мы хорошо знаем, что самое понятие «общественно полезного» по сущности своей не может быть вечным, постоянным, а всегда меняется и неизбежно будет меняться в зависимости от переживаемой эпохи, от условий места, от всякого рода обстоятельств, среди которых основное значение принадлежит социально-экономическому базису. Отсюда и само понятие о половой морали в высшей степени неустойчиво: оно очень легко разрушается в зависимости от изменения основных явлений общественной жизни, в зависимости от производственных отношений общества в каждой данной фазе его развития.

В настоящее время мы можем все-таки говорить об установлении известных «норм», т.-е. целесообразных форм полового поведения для переживаемого переходного времени, имея в виду воспитать подрастающее поколение, которое должно вступить в систему развернутого социализма. Мы должны строить нормы полового поведения, которое отвечает задачам не только переходного времени, но и задачам социалистического общества. В этом смысле приходится заниматься своего рода проектировкой, установкой на будущее. Это совсем не легкая задача.

Во всяком случае, организуя нормальное поведение ребенка, мы должны прежде всего отрешиться от целого ряда «нагрузок», полученных от прошлого. Нужно разбить целый ряд предрассудков, связанных с этим прошлым. Нужно освободиться от воззрения на специфичность сущности половых взаимоотношений, которые, как известно, определяют известные установки и в высшей психической деятельности человека; например, такие, как специфическая «стыдливость», являющаяся, по мнению ряда авторов, врожденным инстинктом не только у человека, но и у животных. Мы должны отказаться и отрешиться от воззрений на какую-то особую сущность половых взаимоотношений, которая делает ее вопросом, не подлежащим свободному и публичному обсуждению, вопросом, вызывающим в людях «естественное» состояние специфической застенчивости. Если мы не отрешимся от этих установок, то не сможем не только правильно организовать, но и запроектировать половое поведение будущего человека. Необходимо четко и до конца осмыслить проблему женского равноправия в труде и в быту; необходимо также дать определенные установки относительно аномалий полового поведения по отноше-

нию к настоящему переходному времени. Под аномалиями полового поведения нужно понимать такие проявления последнего, которые так или иначе вредят социалистическому строительству или не содействуют развитию его. Рассматривая половое поведение как поведение биосоциального порядка, должно установить определенный примат социального, т.-е. явлений социального порядка в этом комплексе. Те половые аномалии, с которыми приходится встречаться в жизни и с которыми нужно бороться, можно классифицировать таким образом: на первом плане стоят аномалии, разрушающие здоровый быт коллектива; сюда относятся половая распущенность, половая разнузданность, которая сплошь и рядом приобретает чудовищные формы, получившие наименование «чубаровщины»; сюда относятся безответственное отношение к половым связям вообще, получающее сплошь и рядом чрезвычайно широкое распространение, отказ от отцовства, отказ от материнства, половые взаимоотношения, связанные с вовлечением в половую жизнь посредством обмана и даже насилия; сюда относится и то явление общественной жизни, которое называется проституцией, которую нужно рассматривать не только как таковую, но и под углом зрения недопустимости пользования ею. Все эти грубые проявления половых аномалий должны быть изжиты профилактическим путем, т.-е. путем привития развивающемуся организму целесообразных установок полового поведения. Сюда нужно присоединить и такие моменты человеческих взаимоотношений, как неравенство полов и двойственная половая мораль. Мы знаем, что на почве половой распущенности, на почве легкого отношения к половым связям распространяются так называемые венерические болезни. Мы знаем, что в связи с неупорядоченным половым воспитанием встречаются и другие патологические явления социального порядка.

На ряду с этим нельзя оставлять вне поля зрения необходимость борьбы и с аномалиями, которые имеют отношение, главным образом, к самой личности. Они могут рассматриваться как аномалии количественные и качественные. К первым—можно отнести такое явление, как слишком сильно или преждевременно развитое половое влечение—гиперсексуализм, или наоборот, погасшее половое влечение. Можно сюда отнести и такое широко распространенное явление, как раннее начало половой жизни, не остающееся без последствий ни для биологической личности, ни для личности как социального феномена, так как раннее

вступление в половую жизнь отражается на всех нервно-психических установках, в том числе и на установках высшей психической деятельности.

К чрезвычайно распространенной аномалии полового поведения в детских массах относится также онанизм. Отношение к онанизму в разных кругах чрезвычайно различно. Нужно сказать, что в общем и целом отрицательные последствия этой аномалии переоцениваются, причем мероприятия по борьбе с онанизмом подчас оказываются более вредными, чем сам онанизм, особенно в тех случаях, когда они связаны с запугиванием, застрашиванием, ведущими к потрясению нервно-психической сферы ребенка или юноши. Вообще вопрос об онанизме чрезвычайно сложен; в научном мире имеются представители взгляда о так называемом физиологическом онанизме, совершенно нормальном онанизме в определенных ранних возрастах. Наша задача—организаций правильного педагогического процесса в детских учреждениях—требует углубленной научной разработки и установления правильного взгляда на онанизм, распространения этих взглядов и правильных мероприятий, осторожной борьбы с онанизмом, когда он становится действительной аномалией, ведущей к тяжелым последствиям личного или социального порядка.

Установив понятие об аномалиях полового поведения и поставив себе задачей выработку известных критериев его, мы должны подойти к вопросу о том, какими силами, при каких условиях и какими методами можно достигнуть правильных результатов в деле привития их подрастающему поколению.

Половое поведение, как мы уже установили, является биосоциальным комплексом; оно складывается при посредстве всех сложных факторов, которые вообще формируют личность человека и не являются чем-то специфическим и обособленным в его общем биосоциальном развитии; самые проявления половой деятельности являются выражением определенной энергетической реакции не одной только половой сферы, а всего организма в целом, а половое поведение человека в целом определяется не только физиологическими функциями его половой сферы, как таковыми: в него вовлекается весь организм, оно представляет собою в значительной степени проявление психической деятельности организма, которую нужно организовать и направить. Нормальная психическая деятельность является при одних обстоятельствах возбудителем половых ощущений, полового

влечения и половых реакций, как таковых, в других же случаях она является тормозом для них. Все это выдвигает в качестве основной задачи воспитания выработку той соответственной установки нервно-психической сферы ребенка, которую мы называем «доминантой». Нужно добиваться выработки правильной, целесообразной, общественно-полезной доминанты. Памятуя, что при появлении и укреплении доминанты в области полового комплекса разного рода мероприятия, направляемые на борьбу с неправильными проявлениями полового поведения ребенка, могут оказаться не только совершенно бесполезными, но даже имеющими обратное — возбуждающее значение. Например, воззрение на физкультуру, как на вернейшее и радикальнейшее средство для устранения аномалий половых проявлений ребенка, неверно. Физкультура — при наличии развившейся половой доминанты — может повести к обострению аномалии полового поведения; также и целый ряд других мероприятий. Нужно учитывать этот основной момент: необходимость правильного, путем соответственных приемов, формирования личности ребенка и установки в нем общественно-полезной доминанты, а в случае наличия уже сложившейся нецелесообразной (половой) доминанты добиваться ее разрушения. Для этого требуется ясное понимание педагогического процесса в целом, а в частности вопросов совместного воспитания, долженствующего стать основой для выработки нормальных взаимоотношений мужчин и женщин в жизни. Само собой понятно, что при таких условиях сексуальная педагогика не может быть обособлена от общих задач воспитания, и мы вновь приходим к исходному положению настоящего доклада, что не существует обособленной изолированной системы мероприятий в области воспитания полового поведения человека, конечно, кроме тех случаев, когда налично имеется уже развившаяся аномалия этого поведения. Эти случаи подлежат специальному изучению, обслуживанию и обеспечению специальными мероприятиями не общего характера, а добавочными, входящими в специальный круг ведения врача. Основная же задача массовой педагогики заключается в том, чтобы охватить весь детский коллектив, чтобы его целиком поставить в правильные условия полового воспитания.

Для выработки правильной доминанты и для организации рациональной системы поведения нужно позаботиться об устранении всех стимулов, преждевременно возбуждаю-

щих половую сферу ребенка, наталкивающих его мысли и внимание на вопросы половой жизни; нужно в случае появления такого рода моментов незаметно для ребенка отвлекать его от этого возбуждающего стимула. Все это нужно делать таким образом, чтобы это не носило специфической направленности, особенно в возрасте раннего детства. Малого ребенка неправильно рассматривать, как существо с врожденным половым влечением. У него проявляются интересы ко всему окружающему, и в частности к половым органам, чего нельзя рассматривать, как какое-то специфическое сексуальное проявление. Ребенок проявляет склонность к исследовательской деятельности вообще, и задача воспитателя эту склонность направить в соответствующее русло.

Итак, еще раз подчеркиваем общее положение, сводящееся к тому, что изолированной сексуальной педагогики не существует, что ее задачи теснейшим образом сливаются с задачами общей педагогики, общей постановки правильного воспитания детского коллектива от самого раннего возраста, можно сказать, с первого дня его жизни. Не буду вдаваться в подробности о том, каким образом должна быть организована жизнь ребенка; постараюсь ограничиться только установлением нескольких основных посылок, которые сюда непосредственно относятся. Половое воспитание должно начинаться с раннего возраста, а потому, наряду с педагогами, большая ответственность ложится на родителей, которые в этом вопросе должны быть хорошо ориентированы. Обычно при этом возникает очень трудный вопрос относительно последовательности и постепенности осведомления ребенка о сущности половых отношений. Существует ряд взаимоисключающих воззрений, начиная с воззрения о необходимости полной изоляции ребенка от осведомления в этой сфере и кончая воззрением о том, что ребенок должен быть довольно рано наталкиваем на разрешение этих вопросов. И то и другое неправильно. Должна быть избрана такая установка, которая отвечает потребности данного ребенка в данный период его развития, не замалчивая и не прибегая к лжи. На вопросы ребенка нужно отвечать в меру его развития, в меру возникновения этих вопросов, в меру развития способности понимания, не давая затуманенных и замаскированных ответов.

Для правильной постановки этой части проблемы существует две трудности. Одна из них заключается в том, что самая цель воспитания в этой области еще недостаточно

ясна для широких кругов: сами нормы половых взаимоотношений, как рациональные нормы, еще недостаточно проработаны. Другая — заключается в том, что воспитатели (педагоги, родители, врачи) сами являются продуктом неправильного полового воспитания и всей пройденной ими до этого времени жизни. Мы все невольно являемся носителями глубоко вкоренившихся предрассудков, которые, может быть, мысленно в сознании своем и отвергаем, но которые в нас живут, владеют нами и мешают нам относиться с достаточной простотой и искренностью к ответам на поставленные ребенком вопросы. Чувствуя ложь в ответе взрослого, ребенок часто этим побуждается ставить такие вопросы, которые бы еще более заставили взрослого смутиться. Я это говорю, потому что знаю случаи, когда педагоги и врачи чрезвычайно стеснялись поставленных перед ними детских вопросов и не умели найтись в ответе и скрыть своего смущения. Это показывает, что их установка не соответствует тем воспитательным задачам, которые они на себя берут. Следовательно, воспитатели должны в первую очередь перевоспитать самих себя; надо над собой работать, для того чтобы можно было воспитать других и для того чтобы этим другим, независимо от возраста, можно было передавать правильные, соответственные их возрастным особенностям, понятия и сведения.

Подходя к проблеме осведомления детей, вовлекаемых в организованную жизнь в детских учреждениях, мы встречаемся еще и с другой трудностью. Она заключается в том, что при существующем положении вещей контингент детей в детском учреждении представляет собой неоднородную массу. Характер и степень осведомленности, характер «половой нагрузки», полученной отдельными членами этого контингента в жизни, прожитой до поступления в данный коллектив, чрезвычайно различен. Это обуславливает порой совершенно нежелательное влияние одних детей на других и лишает воспитывающего возможности применять те или иные однообразные, общие приемы воспитательного воздействия и осведомления детского коллектива. Для того чтобы выйти из этого положения, необходимо изучить детский коллектив теми методами познания, которые требуют специальной выработки.

Этими вопросами и предстоит заняться конференции. Без подробного изучения детского коллектива, само собой понятно, не будет никакой возможности поставить педагогический процесс правильно и рационально. Овладение ме-

годом изучения есть задача всех педагогов, так как на них именно, а не на врачей, ложится основная ответственность за правильную постановку воспитательного процесса, неотъемлемой частью которого является и половое воспитание. никоим образом нельзя себе представить, чтобы какая-то посторонняя, обособленно действующая сила, в лице врача, могла бы внедриться в педагогический процесс, не нарушая его целостности. Мы великолепно знаем, что в системе воспитания никакие поучения и никакое менторство не играют сколько-нибудь значительной роли. Подлинным воспитателем является только тот, кто отдал себя этому делу всецело, кто живет среди детей, кто может весь уйти в детские интересы и заслуживать доверия детской массы. Только при наличии такого положения вещей задача внедрения полового воспитания в общую систему воспитания может осуществляться безболезненно; во всех других случаях этот процесс не может проходить планомерно. Врач по характеру своего контакта с детским коллективом не может быть таким же близким к детскому коллективу, как педагог. В тех же случаях, когда он является близким детскому коллективу, он, разумеется, может выполнять функции в области полового воспитания, как и педагог.

Вытекает ли из всего этого, что роль врача в деле воспитания нереальна, что врачу здесь нечего делать?

Конечно, нет. На нем лежит специальная задача — совместно с педагогами изучать детский коллектив и всеми мерами помогать педагогу в осуществлении его задач — прежде всего путем привития ему недостающего биосоциального багажа, без которого нельзя вести правильного сексуального воспитания ребенка. Вообще, он должен являться консультантом, обследователем и организатором, применяя те методы обследования, которые он находит целесообразными по обстоятельствам дела, и те методы воздействия на педагогов, которые должны играть значительную роль в системе осведомления детского коллектива в вопросах пола.

Подходя ближе к проблеме полового просвещения, спрашиваю себя: не есть ли половое просвещение специфическая задача врача? Отвечаю и на этот вопрос также отрицательно.

Я полагаю, что санитарное просвещение в отношении детских коллективов разных возрастных групп, считая и младшие группы, это тоже дело педагога; здесь тоже необ-

ходимо сотрудничество с врачом, его помощь, но никакой особой специфической задачи для врача здесь нет. Дело осведомления в области сексуальных вопросов не может быть изолировано от гигиенического просвещения, от выработки гигиенических навыков и гигиенической осведомленности вообще; оно должно быть переплетено с общей системой передачи знаний, но должно быть переплетено так, чтобы не вызывать нездоровых реакций со стороны детских коллективов, и так, чтобы до наступления половой зрелости ребенок получил достаточную осведомленность, которая могла бы его предохранить от тяжелых коллизий, сплошь и рядом наблюдаемых в жизни и происходящих от того, что осведомленность наступает несвоевременно или получается из недоброкачественных источников. Это относится и к женскому и к мужскому полу. Как выяснено исследованиями Института социальной гигиены, даже момент наступления менструаций является для большинства девочек совершенной неожиданностью, которая нередко вызывает тяжелые переживания. Более специальные беседы врача, направленные на разъяснение вопросов, возникающих в детском коллективе, могут вестись со старшими возрастами. В качестве одного из способов осведомления детского коллектива могут практиковаться беседы по вопросам, которые задаются предварительно самими детьми в письменной форме. Нужно к каждому случаю подходить индивидуально, разбираясь, когда можно провести беседу для мальчиков и девочек, в зависимости от состава аудитории, изолированно и когда можно это сделать в общей аудитории. Практика сексуальной педагогики имеет уже не мало наблюдений и доказательств того, что при целесообразной системе воспитания легко изживаются, казалось бы, глубоко укоренившиеся установки, например, даже такие, как ложная стыдливость по отношению к обнаженному телу, которая ведет за собой нездоровое любопытство и разные аномалии полового поведения. В настоящее время за границей существуют общества, именующие себя «обществами обнаженного тела», которые могут похвалиться большими достижениями в том смысле, что специфическая стыдливость, которая в известной мере является результатом нездоровых половых отношений, изживается, начиная с детского возраста и кончая стариками, причем общение обнаженных людей обоего пола не имеет ничего общего с каким-либо раздражающим моментом, вызывающим нездоровую реакцию или аномалии полового поведения.

Таковы общие принципы и установки сексуальной педагогики, как части организованного воспитательного процесса. Само собой понятно, что решение этих вопросов ни в какой мере не устраняет, а может быть, даже не смягчает тех коллизий, в которые жизнь ставит ребенка в те промежутки времени, когда он находится вне школы, т.-е. под влиянием неорганизованной стихии, окружающей его внешней среды, со всеми ее случайностями и со всеми часто силою вещей сложившимися обстоятельствами, которые вообще могут разрушить организованный педагогический процесс. Не только на улице, но и дома—в своем жилище, в некультурной семье, среди товарищей и среди чужих людей ребенок может набираться впечатлений, способных разлагающе действовать на установки его поведения. Особенно большое значение в настоящее время имеет жилище, а отчасти и нездоровые, не отвечающие возрасту развлечения.

Забота об организации внешней внешкольной среды ребенка поэтому все больше и больше занимает внимание школьных работников и входит в систему работы с родителями учащихся. Улучшение жилищных условий, поднятие культурного уровня трудящихся в нашей стране составляет весьма важную отрасль социалистического строительства. На ряду с этим и задача исчерпывающего вовлечения детских коллективов в орбиту общественного воспитания разрешится в недалеком будущем, и потому система домашнего воспитания будет постепенно отмирать, а вместе с ней будет отмирать та большая запутанность и сложность вопросов полового воспитания, которая вытекает из часто встречающегося антагонизма семьи и школы в этом вопросе.

Г. А. БАТКИС¹

(Ин-т соц. гигиены)

О ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГА В ОБЛАСТИ СЕКСУАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Позвольте не останавливаться на тех вопросах, которые развиты в тезисах с достаточной подробностью, а разрешите высказать несколько соображений, которые не уместились в рамках тезисов.

Начну с замечания о том, что наши доклады, в частности и мой доклад и представленные тезисы устарели; устарели не потому, что мы запоздали с конференцией, а потому,

¹ Тезисы прилагаются.

что все предпринимаемое нами стареется с невероятной быстротой. Если эти тезисы были разработаны месяц назад, то на них лежит уже печать прошлого, в связи с тем быстрым темпом жизни, котсырым мы живем. Разве можно сейчас считать достаточным дать положительную программу деятельности педагога, исходя из оценки того опыта, который мы имели до нынешнего дня, в условиях, когда школа еще разобщена с детским коллективом, не говоря уже о том, что детский коллектив, как таковой, в ряде случаев был противопоставлен педагогу. Только с такой оговоркой я постараюсь наметить программу работы педагога для ближайшего будущего. Я думаю, что нам, работающим в условиях переходной школы, необходимо в самом срочном порядке исправить ряд недостатков школьной системы переходного времени,—той системы, которая является мостом к системе воспитания в социалистическом обществе. Обращаясь к аудитории современных педагогов и врачей, мы должны указать, что в этом отношении нам не удалось еще найти общего языка с педагогами. Общий язык отсутствует хотя бы потому, что к нам, социально-гигиенистам, обращаются только за конечным разрешением проблемы. Не так давно в Доме работников просвещения, в узком кругу работников я был засыпан вопросами, какие рецепты можно предложить в области сексуальной педагогики. До того мы дурно сами воспитаны в этой области, что думаем, что отдельными рецептами разрешается система сексуальной педагогики. Поэтому я позволяю себе утверждать, что для широкой массы воспитателей вопрос совсем не ясен, вследствие того, что они не считают нужным систематизировать свой опыт в этой области с тем, чтобы с большей пользой удовлетворять запросам детского коллектива. Между тем здесь никоим образом нельзя подготовить к разрешению вопроса путем набора готовых рецептов, прежде чем не установлен основной отправной пункт, достаточно теоретически осмысленный. В теоретической же области у нас наблюдается еще разброд: нет ясного понимания того, что представляет собой комплекс полового влечения. Мы часто должны тратить много сил, чтобы доказать, что наша санитарно-просветительная работа, которая до сих пор базируется почти исключительно на вульгарном принципе, доказать биологический вред выявления полового влечения—бесполезна, потому что она не решает вопроса о половом поведении.

Мы должны выступить здесь резко против таких биологических тенденций, рассматривающих половую проблему

лишь с точки зрения организма человека,—мы должны выступить с положениями, создающими предпосылки для правильного поведения коллектива в целом и отдельного человека в нем в частности.

Без такой установки нельзя найти общего языка в отношении поведения отдельного члена в коллективе.

Исходя из этих отправных положений, становится ясной решающая роль школы в вопросах полового воспитания, которая одна в наших условиях имеет возможность организованного воздействия на детский коллектив в целом, в противоположность семье, усилия которой, даже в случаях хорошо организованного воспитания ребенка, разбиваются вследствие отсутствия возможности влиять на коллектив. Исходя из этих положений, становится ясной решающая роль в половом воспитании педагога, как организатора и руководителя детского коллектива. Первое, с чем мы обычно при этом сталкиваемся,—это отсутствие единого руководства в воспитании и образовании, своеобразный дуализм, который находит наиболее яркое выражение в разгораживании естественного и общественного образования и воспитания. Этот дуализм у школьников практически выражается своеобразными понятиями. Я недавно подслушал оригинальный разговор двух школьников: один спрашивает другого: «Ты кто сегодня?»—«Я сегодня общество.—А ты кто?»—«А я—естество». Этот дуализм в нашей школе несомненно существует, принося много вреда в частности половому воспитанию, когда биологу предоставляется исключительная роль образователя и воспитателя в области сексуальной педагогики. Этот дуализм исходит из абсолютно неверного представления о сущности половой проблемы; он происходит на основе вульгаризации понятия полового влечения, как функции для отправления отдельных органов, лишенной социального значения, не имеющей отношения к поведению ребенка в целом. Мы не знаем школ, где образовательный комплекс был бы построен с правильным учетом половой проблемы. В тех школах, в которых мы были, мы не видали примеров, где бы «общество» было притянуто к сексуальной педагогике. Характерно, что когда мы приходим в школу и хотим установить контакт по вопросам полового воспитания, то в лучшем случае нам удается установить его в лице естественника. На этом дуализме, существующем между двумя образовательными комплексами, которые по настоящему должны были бы быть синтезированы, я остановился умышленно, чтобы еще ярче подчеркнуть то

совершенно неправильное представление о теории полового влечения, которое мы имеем, при котором нередко допускается вульгаризация и биологизация проблемы. Поэтому мы и выступаем с требованием *пересмотра программ подготовки педагога в этой области* соответственно тем задачам, которые перед ним стоят. С этой целью мы и провели опытную работу в одном из педтехникумов г. Москвы и пытались набросать проект программы, которая заключала бы в себе не только отдельные практические «рецепты», как ответить на те или иные вопросы, но и обеспечивала бы наличие общего языка, о котором я говорил; красной нитью через всю программу проводить мысль о недопустимости дуализма, о недопустимости противопоставления «общества» и «естества». Только таким образом на основе определенной подготовки образованный педагог и врач сможет осуществить соответствующую программу положительных мероприятий. Без этого нашей школе трудно будет сдвинуться с места в этой области. Следующее явление в нашей школе, с которым мы обычно сталкиваемся и которое имеет особое значение в вопросах полового воспитания,—это «образовательный характер» нашей школы. Педагоги в школе в значительной степени являются образовагелями и лишь в малой степени воспитателями. Это наиболее ярко выявляется в вопросах сексуальной педагогики; это происходит также от недостаточной грамотности в теории вопроса; мы недостаточно проникнуты общими положениями о месте сексуальной педагогики в общей системе социального воспитания». Это находит себе следующее выражение на практике. В одном выступлении перед врачами я получил несколько вопросов конкретного характера. Когда слушатели, ожидавшие готовые рецепты, увидели, что я несколько замялся, они сказали: «ну, да, мы понимаем, сексуальная педагогика есть часть общественного воспитания, общественное воспитание должно быть пронизано сексуальной педагогикой». Это показывает, как извращенно может пониматься вопрос о соотношении между сексуальной и общей педагогикой. Вместо того, чтобы понимать, что система воспитания в целом исчерпывает все стороны воспитания, мы можем легко таким образом прийти к положениям, которые толкнут к пансексуализму в воспитании и развитии ребенка.

Поэтому в образовании врача и педагога и в той программе, которую мы предлагаем, должна занимать соответствующее место критика учения Фрейда, и в частности теории сублимации, которую некоторые доводят до абсурда,

представляя себе сублимацию как постоянное перемещение энергии, при котором половое влечение может быть, как пар, как электричество, переведено на любые иные рельсы. Такое грубое механистическое представление лежит в основе многих неправильных педагогических реакций. Оно лежит в основе действий педагога, который сквозь призму такой «теории» соответственно направляет свою практику. Стоя на точке зрения врожденности полового влечения, он соответствующим образом квалифицирует каждый поступок ребенка и таким образом при соответствующем усердии может достигнуть того, чтобы «появилось сексуальное» там, где его не было; являясь 100% поклонником сублимации, он старается отовсюду изгнать «сексуальное», борясь иногда со всякими проявлениями дружбы между детьми.

В мою тему не входит вопрос о теории полового влечения в целом. Я хочу лишь показать, что каждый шаг педагога в школе зависит от того, какую теоретическую установку он получил. В программе, которую мы рекомендуем для подготовки педагога в области сексуальной педагогики, мы останавливаемся на вопросе об общественных отношениях, так как в понимании общественных отношений кроются те установки, на которых должна строиться сплошь и рядом педагогическая реакция. Вопрос о формах половых отношений, вопрос об общественном проявлении полового влечения—это те моменты, из которых педагог может почерпнуть установки, которые направят его реакцию по правильному пути. При анализе половых отношений в человеческом обществе должна быть разоблачена неверная реакционная теория, которая представляет эволюцию половых отношений в виде прямой линии «от хорошего» «к плохому»; когда идеализируют половые отношения в первобытном обществе, которые впоследствии дезорганизовал капитализм; когда утверждают, что наша задача заключается в том, чтобы вернуться к половым отношениям, существовавшим в первобытном обществе; когда идут еще дальше, предлагая «вернуться» к жизни животных; когда рисуют идею полного аскетизма, выражающуюся в отмирании половых органов, как идеал будущего. Мы имеем брошюру, написанную 3 года назад видным деятелем, которая рисовала половую эволюцию в коммунистическом обществе таким образом, что в коммунистическом обществе половое влечение отомрет. Такие установки в отношении понимания эволюции полового влечения в теории приводят на практике к педагогическому квакерству, когда некоторые педагоги готовы видеть во

всяком проявлении ребенка «преступное проявление» полового влечения.

Если так понимать вопрос о половом влечении и историю половых отношений в человеческом обществе, то, конечно, нужно гнать все эти проявления, не давая им развиваться. Тогда, конечно, нужно называть каждое проявление ребенка половым, бороться с ним, видеть в нем нечто преступное, пресекать его, твердить о детском мазохизме, садизме и т. д. Мы знаем, что в ряде случаев при наличии будто бы таких извращений из такого ребенка не выходит впоследствии извращенного в половом отношении человека, потому что у него этих извращений никогда не было; все это было проявлением квакерства педагога, которое исходило из его неграмотности, из его смутных представлений об истинной картине половых отношений в человеческом обществе. Поэтому мы предлагаем тезис: не может быть педагога, который не был бы знаком с историей половых отношений в человеческом обществе и который не имел бы правильного представления о коммунистической морали и этике, на основе научных, а не отживших представлений, приводящих к квакерству.

Перехожу к вопросу о педагогической реакции, имеющей чрезвычайно большое значение в регулировании отношений между педагогом и детским коллективом. В нашей программе мы достаточно подробно останавливаемся на этом вопросе. Достаточно известны всем примеры отрицательной реакции, приводимые т. Аркиным в его труде о дошкольном возрасте.

На педологическом съезде нам пришлось поделиться своими наблюдениями и материалами в этой области. В них выявляется вред, наносимый педагогом в его реакции, вследствие его собственного неправильного воспитания. Что собой представляет случай, который произошел в одной из школ Москвы, когда на вопрос одного школьника об онанизме, педагог не нашел ничего лучшего, как раскричаться и побежать к заведующему школой. Что представляет собой другой пример, когда один школьник заранее заявил своим товарищам, что посадит педагога в галошу. И в самом деле, на уроке, когда учитель рассказывал о возобновлении сношений между СССР и Англией, он спросил: «а скажите, какие сношения, половые или нет». И опять мы имеем огромное смущение педагога и растерянность. Что представляет собой другой пример, когда дети, будучи застигнуты в классе в чрезвычайно неприличных позах, причем налицо были явно нежелательные моменты, услышали от педагога следующее заявление: «у нас в школе этого не делают». Эти факты

говорят о том, что дело здесь не только в беспомощности; все мы, имеющие отношение к воспитанию детей, не замечаем того, что вследствие своего дурного воспитания мы не можем руководить воспитанием детей. Доклады, которые пройдут перед нами на конференции, выявят ряд конфликтов и даже судебных процессов, которые происходили на почве неправильной педагогической реакции.

Поэтому мы считаем, что и врачи и педагоги должны быть достаточно подготовлены в вопросе о своей реакции. Они должны заранее оценить результат своей реакции: как инженер, строящий мост, должен учесть эффект своей постройки, так и педагог должен заранее учесть эффект своей реакции. Поэтому вопросу о педагогической реакции по отношению к детскому коллективу мы уделяем соответствующее место в подготовке врача и педагога. Мы много внимания уделяем в нашей программе ознакомлению врача и педагога с анализом детского коллектива в отношении диагностики элементов полового поведения. Мы стараемся показать, какие проявления в детском коллективе, какая комбинация проявлений в детском коллективе может иметь отношение к проявлениям полового характера. Мы стараемся, наконец, обратить внимание педагогов на значение семейной и внесемейной среды в вопросах полового воспитания. Нужно констатировать, что в школе мы имеем картину, когда педагог не является основным воспитателем детского коллектива. Когда школа разбита на «естество» и «общество» и во многих случаях смахивает на старую школу. Надо сказать, что наша школа еще в известной степени комплектуется людьми, связанными со старой школой; людьми, не изжившими старых представлений, поэтому нам надо вносить новые элементы, вносить осознание того, что педагог перестал быть преподавателем узкой специальности, а что он отвечает за воспитание коллектива в целом.

Позвольте заключить свой доклад следующим положением: мы считаем, что сексуальная педагогика, не имеющая права на существование как отдельный образовательный комплекс в школе, должна иметь *все права обязательного предмета в системе врачебного и педагогического образования*, в особенности теперь, когда образование идет по линии политехнизации, когда мы будем иметь работников узкой специальности, мы считаем, что правильно поставленное образование педагога и врача, в первую очередь увязанное с общим естественным и общественным образованием, создаст основу для правильной системы воспитания.

1. Школа является ответственной не только за поведение ребенка в своих стенах, но должна быть важнейшим организатором поведения ребенка вообще. Формирование личности человека, в условиях все ускоряющегося строительства социализма, будет становиться все более и более делом организованного воздействия, в котором система общественного воспитания будет играть решающую роль. Встающие с особой силой на очередь проблемы социализации быта, в частности воспитания детей, влекущие за собой изменение методов школьной работы, все большее смыкание школы с жизнью и производством, усиливая роль планового начала в воспитании, потребуют от педагога (как воспитателя масс) соответствующей подготовки.

2. Воспитание нового человека будет упираться в значительной степени в несоответствие, в разрыв между установками старого поколения, выросшего на базе определенных социально-экономических отношений, и потребностями нового поколения. Разрыв этот представляется наиболее значительным в области проблем пола, где настройка оказывается достаточно консервативной, где старые установки наиболее неизжиты, где развитие знаний, вследствие «специфичности» вопросов, искусственно тормозилось и направлялось по неправильным путям. В этих условиях подготовка педагогов в области сексуальной педагогики является актуальной задачей.

3. Несмотря на то, что сексуальная педагогика в целом не является производной педагогического процесса и воздействия в целом; несмотря на то, что изучение проблем пола входит в общую подготовку педагогов,—представляется целесообразным выделение ее в педвузах, педтехникумах и на курсах усовершенствования в особую главу курса педагогики, с одной стороны, в связи с той ролью, которую играют вопросы полового развития и поведения ребенка и в его общем развитии, а с другой—в связи с необходимостью синтезировать весь материал, чтобы в первую очередь предупредить в подготовке педагога отрыв биологической базы от социальной стороны полового вопроса и дать проблемы пола в развернутом виде, в социально-гигиеническом аспекте.

4. Правильная оценка педагогом половой проблемы, понимание социологии половых отношений и половых норм, биологии полового влечения, сексуальных проявлений у ребенка является необходимой предпосылкой для соответствующего воспитательного и в частности образовательного воздействия, в связи с чем образовательная подготовка педагога должна ставить в основном следующие задачи:

1) в отношении биологии полового влияния выявить место полового влечения в общем развитии организма, вскрыв сущность полового влечения, как энергетической реакции всего организма, имеющей самостоятельное значение, и показав воспитуемость полового влечения;

2) в отношении социологии половых отношений показать неправильность построения абстрактных норм полового поведения, путем выявления динамики таковых и их обусловленности социально-экономическими отношениями.

5. На основании изложенных общих положений должна быть дана система воспитательных воздействий путем выработки правильной оценки сексуальных проявлений у детей и соответствующей реакции на них педагога.

1) Половое воспитание—элемент общего воспитания; поэтому общее воспитание здоровой, целеустремленной установки имеет решающее значение. В основе воспитательных воздействий должна лежать соответствующая организация коллектива, взаимоотношений как в нем самом, так и с окружающей средой (школьной и внешкольной). Оздоровление индивидуума достигается в первую очередь путем оздоровления коллектива.

2) При организации коллектива заслуживают особого внимания следующие вопросы: а) социально-бытовая разнородность детского коллектива; б) роль вожаков-дезорганизаторов в детском коллективе; в) социальная направленность коллектива; г) поведение отдельных членов и всего коллектива в целом.

3) При организации взаимоотношений между педагогом и детским коллективом должны быть подчеркнуты следующие моменты: а) контакт между педагогом и детским коллективом; б) соответствующая реакция педагога на сексуальные проявления в детском коллективе; в) неправильность приклеивания «качественных» половых ярлыков к отдельным проявлениям детей, вследствие перенесения половых переживаний взрослого на ребенка.

4) Половое просвещение должно играть подчиненную роль в общей системе полового воспитания, причем следует обратить внимание на следующие моменты: а) использование в целях познания детьми половой проблемы всего образовательного комплекса, в первую очередь обществоведческого, на ряду с естествознанием; б) в методике полового осведомления должен занять соответствующее место, на ряду с методом осведомления «от цветка», метод конкретных ответов на запросы ребенка; в) в системе просвещения могут быть использованы, в зависимости от обстановки, и индивидуальные и групповые беседы. Первые—приобретают особое значение в связи с процессами полового созревания и эксцессами в социально-бытовой обстановке у ребенка; вторые—могут найти себе применение в случаях конфликтов, захвативших группу или часть ее. Беседы должны быть построены так, чтобы показать, что половое поведение есть функции всего организма и что неправильности полового поведения отражаются на всем социально-биологическом комплексе человека; г) беседы проводятся педагогом или в некоторых случаях врачом, связанным с детским коллективом. Следует отрицательно отнестись к приглашению в этих случаях врачей со стороны. Не следует придавать исключительного значения беседам для выпускников.

Программа лекций по сексуальной педагогике для слушателей педтехникумов IV курса

1 лекция. Половой вопрос—социально-биологическая проблема. Биологические основы полового влечения. Половое влечение как инстинкт. Половое влечение и инстинкт размножения. Половое влечение человека—реакция всего организма; роль отдельных органов и систем; роль внешней среды. Воспитуемость полового влечения. Теория «доминанты». Сублимация в свете теории «доминанты».

2 лекция. Половое влечение по Фрейду. Истоки учения Фрейда. Метод психоанализа. Основы фрейдизма: сексуальность; истоки развития ее. Теория сублимации. Механистические представления о сублимации. Критика учения Фрейда: сексуальность у ребенка; пансексуализм Фрейда; идеализм в построениях Фрейда.

3 лекция. Общественные проявления полового влечения; неправильность перенесения отношений, существующих в животном мире, на человека. Происхождение половых отношений в человеческом обществе. Этика—историческая категория. Христианство; его влияние на половые отношения. Эпоха возрождения. Половая мораль в различных классах. Брак и семья среди буржуазии.

4 лекция. Брак и семья среди крестьянства. Половая этика крестьянства. Сохранение в ней элементов эпохи натурального хозяйства. Брак и семья среди пролетариата. Вопросы размножения в крестьянской и пролетарской семье. Семья и переходный период. Проституция. Венерические болезни. Новые формы быта. Элементы семьи будущего.

5 лекция. Половое воспитание—элемент общего воспитания. Законы развития ребенка. Вопрос о детской сексуальности в дошкольном возрасте. Роль среды в развитии детской сексуальности. Различные системы полового осведомления о половых процессах. Критика их. Как рассказывать детям. Оценка отдельных сексуальных проявлений у детей.

6 лекция. Половое воспитание в школе. Роль семьи, роль детского коллектива (вопросы совместного воспитания), реакция педагогов на сексуальные проявления в детском коллективе. Наблюдение за половым развитием и сексуальными проявлениями детей. Вопрос об изучении семьи. Использование образовательного комплекса. Половое просвещение, виды его; индивидуальная консультация, групповые беседы; требования к половому просвещению. Роль педагога и врача в системе полового воспитания.

Настоящая программа курса составлена на основе опыта, проведенного в 1928-29 г. во 2 педтехникуме Моно; курс рассчитан на 6 двух-трех часовых лекций-бесед, прорабатываемых на конференциях по литературным материалам; одновременно могут быть даны соответствующие задания учащимся по собиранию материала, постановке наблюдений в школьных базах, на которые опирается педтехникум в своей учебной работе.

ПРОБЛЕМА СОВМЕСТНОГО ВОСПИТАНИЯ И ЗАДАЧИ ШКОЛЫ

Бурные темпы социалистического строительства, развертывающегося в нашей стране, рост социалистических городов, крупных колхозов, сельскохозяйственных коммун,—все это по-новому ставит перед нами весь комплекс вопросов воспитания. Проблема совместного воспитания приобретает в свете этих гигантских задач реконструкции народного хозяйства особо актуальное значение, ее нужно рассматривать, с одной стороны, как звено в общей системе коммунистического воспитания (ибо не может новый человек воспроизводить те отношения между полами, которые характерны для человека прошлого и в значительной мере для человека нашего времени), с другой стороны, как неотъемлемую часть другого, более общего вопроса, вопроса о полном фактическом раскрепощении женщины.

В. И. Ленин еще 10 лет назад писал о том, что женщина юридически у нас свободнее, чем где бы то ни было, но что фактически она продолжает оставаться домашней рабыней. И если за 10 лет сделано чрезвычайно много в области практической работы в деле раскрепощения женщины, то звание «домашней рабыни» в значительной степени еще и сейчас не утратило своего значения, и в деле полного раскрепощения женщины, в деле формирования нового человека будет иметь немаловажное значение правильное разрешение вопроса о совместном воспитании, начиная с раннего возраста.

Вопрос этот ставился педагогикой у нас еще до революции. Правда, не в таком развернутом виде, как мы это делаем сейчас, а в несколько «свернутом» — в виде «проблемы совместного обучения». Мы имели ряд конференций, съездов, ряд частных школ, где пытались педагогически разрешить эту проблему и теоретически, и практически. Но во всей широте, как проблема совместного воспитания, как проблема, охватывающая выработку между мальчиками и девочками таких взаимоотношений, которые определяют их равенство в жизни и борьбе—так широко эта проблема до революции не ставилась и не могла ставиться. И если Октябрьская революция юридически разрешила эту проблему, то наша школа разрешение этой проблемы до сих пор не закрепила.

Анализируя опыт работы нашей школы по совместному воспитанию, мы должны признать, что в нашей школе много старого, что из-за кулис новой школы ярко выглядывает порой язвительная гримаса старых взаимоотношений между полами. Если в первые годы после революции, в 1918—20 гг., мы имели ряд интереснейших опытов по линии совместного воспитания, если мы имели в первых детских домах чрезвычайно интересные примеры, когда мальчики и девочки не только жили в одном здании, но и воспитывались вместе, то сейчас в нашей современной школе в этой области больше провалов, чем достижений, которыми мы могли бы поделиться здесь. Однако ни в какой степени нельзя и недоучитывать значения достижений.

Сексуальной педагогикой и проблемой современного воспитания у нас мало занимались. В наших «курсах» по педагогике проблеме совместного воспитания уделяется ничтожно мало внимания; еще меньше внимания уделяли ему Наркомпрос и его местные органы, а в результате школы оставались предоставленными сами себе. Вот почему и недочетов в области совместного воспитания в школах имеется очень много. Эти недочеты сказываются с первого момента, как вы входите в школу. Первое, что бросается в глаза—раздельное сидение: за одними партами сидят мальчики, за другими девочки. Как правило, совместное сидение представляет «счастливое исключение» в нашей школе. Но не только по этой линии, но и по линии группировок детей для учебной работы, участия их в игровой деятельности, отношения их к труду, по линии товарищеских взаимоотношений—везде налицо это разделение между полами. Если мальчики группируются в столярных и слесарных мастерских, то для девочек создаются нередко особые кружки кройки и шитья.

Проблеме совместного воспитания необходимо уделять значительно большее внимание, чем это делали до сих пор, потому что она вовсе не так проста, как это на первый взгляд кое-кому кажется.

Декретом, опубликованным в 1918 г., в нашей школе введено совместное обучение. С изданием этого декрета, говорили нам, проблема совместного воспитания разрешена и снята с повестки, и нечего о ней вновь поднимать вопроса. Мы имели случаи, когда студент дипломник в качестве темы брал вопрос о совместном воспитании детей, а профессор говорил ему: зачем вы берете такие *не актуальные* темы. Лучше бы взяли тему—«анализ педагогических взгля-

дов Екатерины II» (это актуальная тема! Л. Р.). Нам нужно вести борьбу за разработку этой проблемы и правильное понимание ее, потому что противников совместного воспитания существует еще много. Широкая врачебная да и педагогическая среда мало об этом осведомлена. Пользуясь настоящей конференцией, я очень коротенько, в пределах предоставленного мне времени, попытаюсь показать, где эти противники действительно существуют, чтобы выявить их подлинное лицо. Вождем противников совместного воспитания, по праву, может рассматриваться проф. М. М. Рубинштейн. Еще в 1927 г. в 4 издании своей книги «Педагогическая психология в связи с общей педагогикой», — книги, насквозь пропитанной идеалистическими классово-чуждыми нам установками, он дал целую главу, по существу направленную против совместного воспитания, где проводится мысль о том, что в средней школе необходимо раздельное обучение. Таким образом в 1927 г. в Советском Союзе в книге, изданной в московском издательстве, отменяется декрет 1918 г. о совместном обучении. Проф. Рубинштейн не отстает от своих западно-европейских коллег, противников совместного воспитания, и в другом. Он доказывает, что у мальчиков и девочек разная линия развития психики, что у каждого из полов «особая роль в жизни». У нас в советской стране, оказывается, у мужчины и женщины «особая роль в жизни». Но проф. Рубинштейн идет дальше и под тонкой вуалью рассуждений относительно эстетического воспитания рисует развернутый крепостнический взгляд на женщину. Я не могу отказаться от того, чтобы процитировать несколько строчек. Речь идет относительно эстетизма женщины: «И психология и жизнь одинаково отмечают значительно больший эстетизм женщины и притом в особой форме: в то время как мужчина склонен больше удовлетворять свою потребность в красоте объективным путем, т. е. любясь красивым вне себя, сам создавая красивые объекты, у женщины чувствуется сильное тяготение рассматривать себя самое как художественное произведение».

Когда нам говорят, что женщина в силу своих свойств представляет себя как художественное произведение, а мужчина, как покупатель в антикварном магазине, рассматривает это художественное произведение и любит его, вне себя создавая красивые объекты, то система взаимоотношений между мужчиной и женщиной делается очевидной. Старые, домостроевские взгляды пытаются протащить у нас в 1927 году. Поэтому, когда говорят, что нужно снять с по-

вестки дня проблему совместного воспитания, мы отвечаем: нет, никак нельзя. Эта проблема по-настоящему только сейчас ставится!

Среди биологов кое-кто усиленно биологизирует эту проблему вместо того, чтобы ее в должной степени социологизировать. Теория «биологической трагедии женщины» чрезвычайно легко используется проф. *Рубинштейном* и его сторонниками в их борьбе против совместного воспитания.

Мы должны со всей решительностью признать, что проблема совместного воспитания является проблемой социальной, в которой биологическое играет хотя и важную, но все же подчиненную роль.

Нужно признать, что проблема совместного воспитания, есть проблема классовая, и каждый класс подходит к ней по-разному и по-разному ее решает. На востоке, у тюрков, например, существуют еще пока отдельные школы и когда мы сейчас пытаемся создать там совместную школу, то оказывается, что турки-буржуа и зажиточные служащие голосуют за то, чтобы совместной школы не было, а турки-рабочие голосуют за совместную школу. На этом примере мы видим, что каждый класс подходит к проблеме совместного воспитания по-разному. Буржуазия рассматривает укрепление совместной школы как потерю своего господства, пролетариат ее рассматривает как один из этапов к победе.

О чем говорит изучение опыта нашей школы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего посмотреть, с чем приходит ребенок в школу, что его окружает в семье. Когда мы рассматриваем тот опыт, который ребенок приобретает в условиях «семейной педагогики», то должны прямо сказать, что этот опыт является неблагоприятным, для того чтобы на его базе планомерно развивать совместное воспитание. В семье еще до сих пор имеет место разделение труда на специфический мужской труд и специфический женский. Матери и отцы, старшие сестры и братья фиксируют внимание на том, что девочки должны заниматься шитьем, подметать пол, ставить самовар, а мальчики колоть дрова, прибивать гвоздь и т. д. «Пришей пуговицу да лучше, ты же девочка», обращаются обыкновенно к девочке. И такие слова слышишь не только в культурно отсталой среде, но и в семьях интеллигентских. Не только по этой линии, но и по линии группировок, взаимоотношений мальчиков и девочек мы видим порой явно выраженное разделение в системе воспитания девочек и мальчиков. Эта система проводится семьей, а потом, помноженная на бес-

печность школы, она дает действительно неприглядную картину.

Что же мы имеем в школе? С одной стороны, там отсутствует внимание к этой проблеме, а с другой—колоссальные ошибки со стороны педагогов, которые дают возможность махровым цветом распуститься всем недочетам на этом участке. У нас в школах, например, практикуется до сих пор система своеобразных наказаний (правда, «наказания» в советской школе отменены, остались «меры педагогического воздействия»). В качестве одной из этих мер практикуется пересаживание бузотера-мальчика к девочке и наоборот. «Шалишь, пересаживайся к девочке». Мальчик плачет, говорит: «Не сяду», но учитель неумолим. «Это,—говорят учителя,—прекрасно действующее средство».

Мы наблюдали порой примеры совершенно неправильного отношения педагогов ко всему комплексу вопросов, который охватывается этой проблемой. 17-летняя девочка не знает урока, и очень часто она слышит такого рода замечания: «зачем тебе учиться, тебе замуж надо выйти». Эта формула—«не учиться, а замуж выйти»—весьма распространена в наших школах. Не вполне благополучно и в пионеротрядах. Некоторые пионер-вожатые применяют систему совместного воспитания таким образом, что дальше идти некуда. Правда, говоря о работе пионер-организации, мы должны со всей категоричностью утверждать, что положительных сторон там значительно больше, чем в школе. Однако и у пионеров мы отмечаем разрыв между поведением их в пионер-отряде и в школе; те пионеры, которые работают в звене, в отряде вместе с девочками, приходя в школу, рассаживаются отдельно, с девочками в перемену не играют; таким образом раздельная жизнь имеет место и у них. Наши исследования показали, что существует разрыв между словесными высказываниями детей и их поведением. Дети отвечают, что нужно рассаживаться вместе, дружить мальчикам и девочкам, а в школе сидят порознь, и мальчик дружит с мальчиком, а девочка с девочкой.

Это разделение между полами проходит красной нитью не только по линии взаимоотношений между детьми, но и по линии учебной работы. Если в школе преобладает лекция, пассивные методы работы, то все чаще и чаще дети группируются раздельно. Если же система работы иная, если господствуют активные приемы работы, то все чаще девочки и мальчики группируются вместе. Отсюда мы делаем важный вывод о том, что ломка всех отживших мето-

дов, внедрение новых методов, новая организация работы нужны не только для улучшения образовательной работы. Это один из важнейших методов в деле перелома всей нашей воспитательной работы, в частности и по линии совместного воспитания.

Достижения в области совместного воспитания идут преимущественно по двум направлениям: по линии внешкольной работы (клубная, кружковая работа), где девочки охотно работают с мальчиками, и по линии общественно-полезной работы, где все более и более мы имеем активное участие девочек, где налицо прекрасные образцы по линии братских взаимоотношений между ребятами. Это те два русла школьной жизни, в которых более или менее благополучно разрешена проблема совместного воспитания.

Основная причина тех недочетов, которые мы имеем в работе школы, кроется в тех традициях старого быта, старых предрассудках, которые тяготеют над нашей школой, над взрослыми, а в силу этого и над ребятами. Мы спросили у девочек, почему они не хотят сидеть с мальчиками и получили ответ: «подруги засмеют». Мальчики говорят—«хлопцы засмеют». Мы спрашивали девочек, почему они не дружат с мальчиками и в ответ услышали, «а что дома скажут». А дома часто говорят—«почему к тебе все мальчики и мальчики ходят, почему подруги не ходят».

Когда мальчик начинает дружить с девочкой, то они моментально попадают под артиллерийский обстрел общественного мнения взрослых и детей, рвут дружбу, а поэтому и говорят: «не буду дружить с девочкой (мальчиком), с ребятами (девчатами) буду дружить». Общественное мнение взрослых и детей чрезвычайно характерно. Они являются первоисточниками недочетов в этой области.

Чем же объясняется это общественное мнение взрослых и детей? Прежде всего тем, что фактически женщина продолжает часто оставаться домашней рабыней кухни и семейного хозяйства. Это наследие до сих пор цепко держит в своих объятиях женщину.

Мы недавно на Сев. Кавказе изучали социалистический сектор сельского хозяйства; мы спрашивали в колхозах мужчин, как они относятся к работе женщин. И мы имели (правда, очень немного) и такие ответы: «Я мужчина и никакой общественной работы женщине не позволю нести». Совершенно ясно, что такие настроения переносятся затем и в школу.

Но мы видели и иное. Мы изучали жизнь коммун, мы видели и детские ясли, работающие круглые сутки, и школы с интернатом, и общественную столовую, и раскрепощенную женщину. Там уже товарищеское отношение между мужчиной и женщиной бросается в глаза при мимолетном изучении этих коммун. Но, несмотря на это, и там в школах-коммунах воспитательная работа поставлена не лучше, и взаимоотношения между мальчиками и девочками—это большой вопрос школьной действительности. Нужна систематическая работа по линии совместного воспитания. Нужна методика этой работы.

По какой же линии должна идти разработка этой методики совместного воспитания? Она должна идти по линии изменения всей окружающей среды, и здесь, в первую очередь, нам будет помогать развертывающееся социалистическое строительство, обобществление быта, подлинное раскрепощение женщины.

Мы должны поставить вопрос об усилении внимания к вопросам совместного воспитания в процессе подготовки педагогов. Мы должны привлечь внимание и педагогов и врачей к этой проблеме, чтобы затем из школы было легче и быстрее продвигать вопросы *взаимоотношений между полами* в толщу родительских масс.

Важное значение в деле совместного воспитания имеет радикальное изменение всей системы организации занятий, активизация методов преподавания, решительное изменение содержания школьной работы. Начиная с I группы, нужно стремиться к тому, чтобы мальчики и девочки вместе рассаживались, входили в общие рабочие звенья. Все виды труда должны быть обязательны для мальчиков и девочек, и ни на какие уступки требованиям отсталой семьи здесь идти нельзя.

Необходимо энергичное вовлечение девочек во все звенья детской самоорганизации, в общественную работу, в работу школьных организаций. Это дело у нас поставлено скверно. Пренебрежительное отношение к девочкам, которое кое-где имеет место и в наших школьных организациях, должно быть решительно искоренено. Это один из пунктов борьбы за совместное воспитание. Нужно повести решительно педагогически выдержанную борьбу с такими уродливыми явлениями. Мы иногда из-за того, что внешние отношения детей приобретают нездоровую форму, забываем о том, что самая сердцевина этих отношений может быть вполне здоровой. Нужно создавать детский актив из девочек. Это

будет иметь большое значение. Нужно вопросы совместного воспитания, взаимоотношений между полами, в частности вопросы о женщине, о ее роли в революции, о ее общественно-политической и хозяйственной работе, включить в программы. Нужно энергично использовать наши революционные праздники и в частности день 8 марта.

Нельзя, однако, всю работу ограничивать лишь стенами школы. Никакая школа, даже самая лучшая, не сможет разрешить ни одной воспитательной задачи, стоящей перед ней, если она не будет связана со всей окружающей средой. Если школа вместе со всей партийной и комсомольской общественностью, вместе с женорганизациями, профсоюзами, врачами и представителями детских организаций развернет работу и среди взрослых, и среди пионеров, и детей, тогда и только тогда проблема совместного воспитания будет правильно разрешена.

П. М. ИВАНОВСКИЙ

(Кафедра гигиены воспитания 2 МГУ).

Т Е З И С Ы Д О К Л А Д А

«Роль врача в половом воспитании и образовании подрастающего поколения»

1. Стараясь определить роль врача в половом воспитании и образовании, необходимо разуместь врача, органически связанного с теми детскими учреждениями, в которых эта воспитательно-образовательная работа создается. В условиях советской действительности таким врачом является врач ОЗД и П.

2. Точное определение круга деятельности врача в половом воспитании и образовании детских учреждений и общественных детских организаций диктуется целевыми установками и задачами советской сексуальной педагогики, в основном сводясь к роли инструктора и консультанта этого рода педагогической работы.

3. Врач принимает активное участие в изучении объекта сексуальной педагогики как детского коллектива в целом, так и составляющих его единиц—отдельных ребят. Целевой установкой этого рода работы в целом является выяснение, насколько закономерно протекает у коллектива и отдельных его индивидов формирование полового поведения. Содержание работы протекает по следующим направлениям:

а) Организация изучения полового поведения детей:

1) выбор метода исследования; 2) организация целевых сил для проведения этого изучения; 3) самостоятельное проведение некоторых избранных исследований, требующих специальной врачебной квалификации; 4) инструктаж избранных целевых сил, проводящих изучение полового поведения детского коллектива и отдельных составляющих его индивидов; 5) организация обработки материала, диагностика и дифференциация детской массы коллектива по интересам, вкусам и сексуальным особенностям поведения.

б) Активное участие в изучении той среды, в которой создается поведение детей вообще и половое поведение в частности: 1) оценка педагогического процесса для определения, насколько он целесообразно строится с точки зрения сексуальной педагогики и особенностей поведения данного детского коллектива; 2) участие в проработке планов педагогического процесса для данного детского коллектива; 3) участие в изучении и организации среды, в которой дети проводят часы внешкольного времяпрепровождения: выбор метода исследования семейно-бытовых условий жизни ребенка; выбор метода исследования района, в котором находится детское учреждение и в котором живет ребенок; организация живых сил для проведения этих исследований (педагогов детских учреждений—школ, д/садов, вожатых пионерских отрядов, работников детских библиотек, общественных организаций—«Друг детей» и т. п.); инструктирование избранных для исследования лиц, наблюдение за их работой, индивидуальная консультация их; анализ собранного материала, построение выводов и выработка различного рода мероприятий, связанных с оздоровлением семейно-бытовых условий и всех ненормальностей сексуального порядка в общественной жизни района-улицы.

в) Личное участие в проведении мероприятий, оздоравливающих в половом отношении семейно-бытовую обстановку и район в целом: 1) проведение докладов о состоянии района, его семейно-бытовых условий с точки зрения влияния их на половое поведение детей—в горсовете (плenumе), секции Оно и Здрава, на совсодах, пед/коллективах и общих родительских собраниях, в детском коллективе, в профессиональных организациях; 2) организация и проведение консультаций для детей, родителей, педагогов и других лиц, заинтересованных вопросами полового воспитания; 3) участие в организации мероприятий, оздоравливающих в половом отношении работу таких учреждений, как кино, детские

библиотеки, магазины, вокзалы, бани, улицы в целом и т. д.; 4) следующая схема планирует все основные моменты, которые необходимо учитывать врачу, оценивающему ту или иную среду, в которой складывается поведение ребенка, с тем, чтобы выявить, насколько она сексуализирует его поведение, навязывая ему те или иные формы полового поведения.

А) Раздражители, действующие как агенты подражания, внушения и психического заражения: 1) сексуальное поведение людей, окружающих ребенка; 2) сексуальные картины, которые дети воспринимают в форме зрительных образов в кино, театрах, рисунках журналов и т. д.; 3) сексуальное чтение, источником которого являются как образцы художественной литературы, так и другие виды литературных работ.

Б) Раздражители, физически способствующие возбуждению сексуальных проявлений: 1) недостаточно исчерпывающий сон и растущее вследствие этого истощение нервной системы; отсюда отраженное влияние на половую сферу; 2) гигиенически нецелесообразное питание, связанное с нерациональными приемами пищи, нерациональным выбором пищевых продуктов (злоупотребление мясным столом, алкогольными напитками, вкусовыми веществами—кофе, горчицей, чаем, перцем и т. п.); 3) нерациональный уход за кожей—нечистоплотность, приводящая к заболеваниям кожи и зуду; 4) нерациональный уход за окружающей обстановкой, приводящий к паразитам, раздражающим кожу (клопам, блохам, вшам); 5) продолжительное сидячее положение (школьные занятия); 6) недостаточное пользование воздухом, солнечным светом, водой.

В) Бедность среды стимулами, активизирующими поведение детей, выливая его в формы творческой радостной деятельности—игры, труда.

4. Для успешного проведения той роли, которая намечена врачу в половом воспитании и образовании подрастающего поколения, необходимо соблюдение следующих условий:

1) организация врачей для коллективной проработки всех названных вопросов, единого компетентного руководства и связи с лечебной и санитарной организацией района;

2) наличие у врача обставленного кабинета, чтобы он располагал и нужным ему инструментарием и пособиями для образовательной работы;

3) нагрузка врача таким количеством детских учреждений, чтобы число детей в них позволяло ему проводить подобную углубленную работу по всем направлениям как изучения детей, так и организации профилактических мероприятий.

П Р Е Н И Я

Чучелов (*Ташкент*).—Половое воспитание в Москве, как это видно из доклада т. Раскина, поставлено далеко не блестяще. Если мы посмотрим, что в этом отношении делается в провинции, то картина будет еще более безотрадной. Надо сказать, что вопросами полового воспитания в провинции или совсем не занимаются или разрешают их обычно при помощи врачей-венерологов. Я хотел подчеркнуть неблагоприятие с кадрами школьно-санитарных врачей, которые на местах укомплектованы часто людьми, занимающими эту должность по совместительству; найти среди них людей, действительно подготовленных, трудно; повидимому высшая медицинская школа еще в ближайшем будущем не даст достаточной подготовки; с кадрами же, которые имеются в настоящее время, поставить практически дело полового воспитания чрезвычайно трудно.

Второе, на чем я считал необходимым остановиться, это вопрос о влиянии среды на половую жизнь ребенка, в частности о влиянии школы. Надо сказать, что в большинстве случаев источником тех или иных аномалий половой жизни является внешняя среда. Особенно большое значение имеет работа в закрытых детских учреждениях, где дело обстоит очень неблагоприятно.

Причина заключается в том, что ни врач, ни педагог не уделяют достаточного внимания вопросу полового воспитания. Нередко в детские дома попадают дети, которым не место в обычной школьной среде, которые требуют изоляции в специальные лечебные учреждения. Если обратиться к статистическим данным, то окажется, что к 16 годам $\frac{20}{100}$ — $\frac{30}{100}$ подростков живет половой жизнью. Школа должна учитывать существующее положение вещей.

Вопрос об ответственности за вовлечение в раннюю половую жизнь подрастающего поколения лежит на педагоге. Этому вопросу не придается достаточного значения и он не учитывается.

Шмидт (*Педагогическая консультация Хоно*).—Являясь членом психоаналитического общества, я хотела бы сказать несколько слов по поводу выступления т. Баткиса.

Т.т. Баткис и Мольков в своих докладах говорили о том, что сексуальная педагогика должна быть лишь частью общей педагогики, и мне, как практическому работнику, хотелось подчеркнуть важность этого положения. Педагогическая практика необычайно ярко показывает, что это слияние сексуальной педагогики с общей педагогикой совершенно необходимо. Когда работаешь в детском учреждении, в особенности, если это детское учреждение носит характер детского дома, то там сплошь и рядом видишь, как неправильная организация детской жизни в целом вызывает ряд реакций ярко выраженного полового характера; и обратно, если руководитель почему-либо неправильно подходит к половому развитию ребенка, у последнего появляется ряд отклонений в общем развитии.

Общая педагогика должна включить и те элементы, которые дадут ребенку возможность развиваться правильно и в половом отношении. Хотя в докладе главным образом говорилось о детях-школьниках, но и у детей дошкольного возраста неправильная общая организация вызывает целый ряд нежелательных реакций: является общее чувственное возбуждение, появляется целый ряд вопросов, возникает интерес к половым органам, сплошь и рядом—онанизм. Такого рода моменты иначе, как проявлением полового влечения, назвать нельзя. Мне хотелось, чтобы было дано более точное разграничение возрастов и для каждого возраста были указаны мероприятия, которые нужны для правильного полового воспитания.

Нашу работу по сексуальной педагогике мы должны начинать не со школьной скамьи, но значительно ранее. Сейчас, работая в педологической консультации, я вижу, насколько неправильно организована самая обстановка, в которой живут наши дети. Дети приходят в школу такими, что очень трудно с ними справиться. В работе с семьей, со средой огромное поле деятельности для лица, желающего работать в области сексуальной педагогики.

Прорывы в совместном воспитании принесены из семьи, мы должны пойти в семью и внести в нее новые элементы здорового быта, тогда и школе будет легче справиться.

Тут говорили о сублимации, говорили о том, что сублимацию грубо и механистически толкует Фрейд. Это неправильно. Дело заключается в том, что процесс сублимации не есть какой-то грубый механистический процесс, который можно «включать и переключать», как какой-то электрический ток; процесс сублимации по Фрейду необычайно тонок.

и он зависит от всего развития организма ребенка, он требует организованной среды. Можно критиковать Фрейда, но мысли его нужно передавать точно.

Корганов (*Ростов н/Дону*).—Вопросы сексуальной педагогики ставились у нас также, и я должен сказать, что в конечном итоге вопросы эти ставятся попрежнему, больше теоретически, чем практически. Основная масса работников теоретически решила эти вопросы. Вот почему мне думается, что перед нами стоит задача выяснить, не столько—почему и отчего, а как этот вопрос сдвинуть с места.

Какие теоретические вопросы наметила конференция и как она их поставила? Прежде всего здесь недостаточно хорошо был отмечен момент, что сексуальная педагогика не может быть оторванной от общей педагогики. Мне думается, что это является одним из тех моментов, который нужно четко отметить.

В докладе П. М. Ивановского хорошо выражен момент, указывающий на необходимость наблюдения за детьми не только в школе, но и вне школы. Это очень важно.

В докладе А. В. Молькова, где ставились основные теоретические и принципиальные вопросы, указывалось, что мы не должны провоцировать ребенка на те или иные вопросы сексуального порядка, а с другой стороны, не должны замалчивать вопросов ребенка. В то же время в докладе проскальзывали такие моменты, что ребенка нужно отвлекать. Это отвлечение практически может вылиться в замалчивание, т.-е. в тот грех, которым мы страдаем в области сексуальной педагогики. Далее мне не совсем ясно место в докладе, касающееся школьных бесед, практикуемых М. Годаном. Я не уловил, какова должна быть форма этих бесед у нас в школе.

Мне также не совсем ясна установка на коллектив: мы, конечно, создаем коллектив, но мы его создаем, создавая личность, а когда мы говорим о сексуальной педагогике, мы должны иметь в центре внимания личность, условия наиболее здорового развития этой личности; через здоровую личность мы сможем в значительной степени обеспечить здоровое развитие коллектива. Мы должны идти в наших социально-гигиенических установках именно с точки зрения оздоровления самой личности, создавая такие условия, чтобы личность вырабатывалась полноценной.

Вопрос относительно использования учения Фрейда. Мне думается, что здесь т. Баткис отчасти прав. Неправильно

или узко понятый Фрейд, перенесенный на нашу почву, принесет вред. Это не значит, что это учение нужно выбросить. Наша задача заключается в том, чтобы кое-что извлечь из его учения. Мне, как психо-неврологу, приходится иметь дело с сексуальной педагогикой и убеждаться, что Фрейд не на все 100% не прав, у него имеются элементы, которые оказывают нам большую пользу. Выбросив Фрейда, мы должны будем отказаться от его установок, хотя бы в вопросе о бесполом детстве. Достоинство Фрейда заключается в том, что он разрушил эту установку. Правда, нужно будет внести некоторые поправки в его теорию, особенно в части перенесения переживаний взрослого человека на ребенка. Мы должны указать, что у ребенка мы имеем не дифференцированную сексуальность, а сексуальность, понимаемую в том смысле, что ребенок может получить удовольствие от собственного тела; здесь мы можем совершить много ошибок, если не организуем правильного воспитания. Нужно учесть педологические особенности каждого возраста. Этот учет возраста необходимо вести по линии правильной организации сексуального поведения. Благодаря этому учету мы сможем иметь данные, которые помогут регулировать теми или иными мероприятиями развитие сексуального поведения ребенка. Этот момент необходимо ввести в программу, разработанную тов. Баткисом. Вопрос существенной важности, это—вопрос относительно реорганизации самой среды.

Тов. П. М. Ивановский и другие указали, какую роль играет среда. Мы много говорим о среде, но вот проходим мимо кино и видим такую надпись: «Вход детям до 16 лет воспрещается». Скажите, разве этот момент не является провокацией? Разве этот момент не вызывает соответствующей реакции у детей? Мы упускаем эти дезорганизующие мелочи, и они совершенно не учитываются теми органами, которые поставлены во главе всего воспитания.

Демидович (Москва).—Необходимы более четкие указания конференции по вопросам полового просвещения. Если мы не дадим определенных директив, то пойдет тот разброд, который приводит часто к нежелательным фактам. Например, недавно вышла статья т. Шмидт, где она указывает, что с ребенком нужно говорить просто о вопросах пола, но тот, кто читал ее статью в газете «За здоровый быт», видел, к каким нежелательным результатам приводят простые ответы на вопросы ребенка, потому что в этих ответах

воспитатель забыл свою руководящую роль, отказался от нее; между тем здесь налицо были все данные для того, чтобы связать вопросы ребенка с жизнью животных, связать половую жизнь человека с общими жизненными явлениями. Таким образом мне кажется, что необходимо, чтобы были даны определенные директивы по этому вопросу.

Гурвич (*Гос. ин-т соц. гигиены, Москва*).—Неправы товарищи, которые говорят, что будто бы в теоретических вопросах у присутствующих имеется полнейшая ясность. Уже из слов одного из выступавших в прениях товарищей видно, что это не совсем так. Он представил коллектив как механическую сумму отдельных индивидуумов. Но, поскольку коллектив является качественно новым образованием, закономерности, возникающие в нем, не исчерпываются закономерностями, присущими отдельным индивидуумам, составляющим его. Основным звеном в нашей работе должно явиться оздоровление коллектива, через которое мы можем прийти к оздоровлению индивидуума. Обратный путь—от индивидуума к коллективу играет второстепенную роль.

Значительную дискуссию вызвал здесь вопрос о фрейдизме; некоторые выступавшие т.т. говорили, что Фрейд можно взять частично, другие утверждали, что Фрейд нужно взять целиком.

Если принять Фрейда в его биологических построениях, то нужно быть последовательным и принять его до конца. Не может быть биологической приемлемости без того, чтобы не поставить вопрос и в социальном разрезе. Если исходить из того, что сублимация играет большую роль в творчестве, то таким образом получится путь, который проделывает Фрейд, путь к социальному пансексуализму. Для тех товарищей, которые идут за Фрейдом, нет грани, где можно было бы остановиться. Поэтому либо мы должны в наших практических и теоретических установках отказаться от фрейдизма как системы, либо мы должны быть последовательными и принять Фрейда целиком.

Если взять в частности вопрос о сексуальности и развитии ее у человека. Прав был А. В. Мольков, когда указывал, что мы имеем в известном смысле стадию бесполого детства. О половом влечении как определенном комплексе, можно говорить лишь тогда, когда налицо имеются все компоненты, из которых в их взаимодействии и комбинации складывается половое влечение, а не тогда, когда мы по личным впечатлениям наклеиваем половые ярлыки на от-

дельные детские проявления, перенося свои переживания (взрослых) на детей.

Дискуссия о фрейдизме имеет большое значение, потому что еще до сих пор и в педагогическом мире фрейдизм пользуется большой популярностью, что сказывается нередко на реакциях педагогов. Теорией нам следует заниматься, потому что дискуссия показывает, что в вопросах теоретического порядка еще есть неясности.

Бершадская (Школа Моно, Москва). — В нашей фабрично-заводской семилетке вопросы сексуальной педагогики стоят настолько остро, что из нашего педагогического коллектива в 30 чел. сюда явилось 13 чел. Школа наша заново отстроена, помещение очень хорошее; состав учащихся—75% дети рабочих.

Однако мы имеем еще до сих пор не только отдельное сидение мальчиков и девочек на партах, но и любовные записки, частушки и рисунки соответствующего характера. Наблюдаются случаи, когда мальчики, уходя из школы, бьют девочек; в старших группах мы имеем флирт. Я поделюсь маленьким опытом: в одной из наших старших групп, 6-й, где очень серьезно встал вопрос о дисциплине и взаимоотношениях между мальчиками и девочками, мы собрали ребят на собрание, поставили перед ними вопрос следующим образом: удовлетворяют ли их взаимоотношения между мальчиками и девочками? Девочки потупились и опустили головы, мальчики отвернулись. Когда мы все же настойчиво поставили вопрос, кто-то подал реплику, что об этом стыдно говорить. Мы указали, что ничего стыдного в вопросе нет, и подчеркнули, что такое отношение между подами есть пережиток старого, и связали этот вопрос с вопросом о дисциплине. Ребята признали, что у них плоха дисциплина, увязав этот вопрос с тем, что мальчики обычно обижают девочек. Мы дали ребятам возможность поговорить и заставили их рассказать все: и как обнимаются и как на уроках мальчики задирают девочек. Говорили они, сначала смущаясь, а потом рассказали все, что у них было. И когда стали об этом говорить открыто, дети совсем стали по иному относиться. Это было месяц назад. Теперь мы наблюдаем, что в этой группе и в смысле дисциплины и в смысле взаимоотношений стало гораздо лучше. Но мы не считаем, что с этой группой благополучно. Наше собрание нам только доказало, что мы кое-что в этом отношении можем сделать. Мы чувствуем, что над этим вопросом нужно серьезно ра-

ботать. Сейчас мы хотим развернуть большую кампанию и по линии родителей ребят и по линии заводов, с которыми мы связаны. Мы договорились, что одну лекцию или беседу мы ставим на общую тему, а следующей темой поставим половое воспитание ребенка; нам надо уделить больше внимания семье, так как ребенок приходит из семьи «испорченный» и нам за несколько часов, которые он бывает в школе, нельзя его перевоспитать, если семья не пойдет навстречу. Я считаю, однако, необходимым отметить, что многое может сделать сама школа. Если в школе хорошо и разумно проводится работа, то это самый верный путь разумного полового воспитания. Мне хочется остановиться на одном моменте, на вопросе о личном примере педагога. Надо прямо сказать, что в нашей школе имеется в этом отношении ряд прорывов: и сережки у педагогов, и обручальные кольца, и губы покрашенные; если педагог стесняется ходить в школе с покрашенными губами, то в городе он себе это позволяет, а ребята все это видят. Наконец, если взять вопрос о флирте между учителями. Ребята чутко на все эти явления реагируют, потому что педагоги являются объектом их наблюдения. Ребята интересуются ими; когда ребята сойдутся и разоткровенничаются, то очень остро пробирают учителей. В этом отношении каждый педагог должен знать: «раз пошел на педагогическую работу, потрудись быть для других примером».

Терещенко (*Баш. республика*).—Разрешите выступить в защиту сублимации. Тут говорили, что либо надо взять теорию Фрейда в целом, либо ее отвергнуть целиком. Если так относиться к представителям чужой нам мысли, то от нашей педагогики останется чрезвычайно мало. Мы должны у чужих работников брать те мысли, которые нам нужны, которые отвечают нашим принципам, использовать то, что мы считаем необходимым.

Подхожу к вопросу о сублимации. Докладчик без достаточного анализа легко и свободно сбросил со счетов возможность педагогического воздействия в этом направлении. Мне, как практическому работнику, руководителю несколькими педагогическими учреждениями, хорошо известно, что в период 2-го школьного возраста у ребят вследствие происходящих у них физиологических процессов повышается половая энергия. Что же нам делать в этих случаях? В этих случаях указывают на необходимость воспитания доминанты. А что такое доминанта? Это сублимация. Воспитание доми-

нанты это есть перевод половой энергии на другие рельсы. Если мы правильно организуем педагогический процесс, создаем необходимый интерес, то это есть сублимация половой энергии. Фрейд, как известно, усматривает чуть ли не в каждом акте поведения ребенка проявление полового. Я считаю эту мысль Фрейда правильной. Если будут доказывать, что мысль неправильна, я приведу тысячу примеров, которыми докажу, что в этой части Фрейд прав.

Здесь был поставлен вопрос о влиянии среды. Среда, конечно, имеет сильное влияние на ребенка. Но мы говорим, что если мы организацией всего педагогического процесса сумеем создать правильный характер поведения, то мы создадим такие условия, что среда будет воздействовать на ребенка в желательном направлении. Другой вопрос—умело это делать. Мы не имеем того, что нам надо, для того чтобы общие теоретические установки претворить в правильную научно-организованную методику; мы еще не имеем методики организации поведения человека, но мы считаем, что мы должны организовать его поведение главным образом через воспитание соответствующей доминанты. Правда, вопросы полового воспитания в провинции стоят не так остро, как в Москве. Приведу для иллюстрации две школы. В одной школе пришлось переводить ребят на занятия из второй в первую смену, потому что там дела обстояли неблагоприятно. При обследовании этой школы оказалось, что из 950 учеников в ней было лишь 17 комсомольцев и 40 пионеров. Общественно-полезной работы почти совершенно не велось; органы самоуправления существовали лишь на бумаге, методы преподавания были старые. Учеников вызывают к столу для ответа, а другие в это время читают, играют в шашки, т.-е. им предоставляется полный простор. Это лишний раз подтверждает, как здесь совершенно правильно указывалось, что центр вопроса заключается в организации педагогического процесса.

Возьмем другую школу, которая находится неподалеку от первой. В этой школе проводилось тестирование, основанное на выявлении организационных навыков. Были даны три теста. Ребята, согласно инструкции, должны были разбиться на группы по 4—5 чел. Им были даны работы—одна—учебного характера, другая—организационного и третья—касающаяся товарищеских отношений. В этой школе обращал на себя внимание хорошо организованный коллектив; ребята обсуждают вопросы чрезвычайно организованно; тотчас же соответственно установившимся навыкам органи-

зуются. В этой школе однополюсные коллективы являлись исключением, потому что общая установка в школе, даже принимая во внимание и имеющиеся недостатки, была правильная.

Я обследовала эту школу и выясняла, занимали ли там большое место беседы на тему об отношениях между мальчиками и девочками. Оказалось, что не занимали. Эти вопросы ребятами не поднимались. Центром внимания у старших ребят были общественные науки. Ребята 8-й и 9-й групп нередко по вечерам дебатировали вопросы обществоведения. Младшие группы не имеют нездоровых отклонений. Педагоги на своем месте: общественно полезная работа захватывает ребят, учеба проводилась в форме лабораторной проработки. Самоуправление в школе сильно развито. Когда педагогический совет постановил, что некоторым ребятам нельзя по состоянию здоровья заниматься физкультурой, то общее собрание ребят постановило просить педагогический совет пересмотреть вопрос и дать слабым ребятам другую физкультуру, более легкую. Педагогический совет согласился с этим. Таким образом при правильной организации педагогического процесса, когда создается общественная устремленность, когда правильно воспитываются навыки и поведение, половой вопрос не стоит остро.

Левентуев (*Центр. педологич. лаборатория Моно Москва*).— При разрешении вопроса о состоянии полового воспитания нельзя успокаиваться на том, что имеется большая европейская литература. Наша страна имеет ряд особенностей, наши детские коллективы носят достаточно много своеобразных черт, которые должны откладывать отпечаток и на половом воспитании; мы обязаны изучать своеобразие процессов в наших детских коллективах достаточно обстоятельно. То, что в школе мальчики и девочки сидят отдельно, то, что между ними нередко существуют плохие отношения, — все это известно из повседневной практики. Я думаю, что мы должны заниматься изучением вопросов гораздо глубже, а не ограничиваться простым констатированием фактов.

Несколько слов об образовательном моменте в половом воспитании. Приведу примеры различных позиций в этом вопросе. В разговоре с одним образованным педагогом я задал ему вопрос: «Почему вы не ведете беседы по вопросам полового воспитания, почему не предупреждаете девочек о процессах полового созревания?» Он ответил: «Не могу, потому что боюсь». Другой, гораздо более решительный

педагог, заведующий провинциальной школой, решил провести такую беседу в классе. Присутствовали мальчики и девочки; он получил в ответ на беседу такие вопросы, которые ввергли его в краску. Третий педагог, когда заметил, что две девочки красят губы, заявил им, что они развращают класс. В результате девочки начали демонстративно красить губы и подговаривать других. Эти примеры подтверждают совершенную путаницу и необходимость специальной подготовки педагогов по вопросам полового воспитания.

Несколько слов о Фрейте. Я считаю, что вместе с водой нельзя выплескивать ребенка. Фрейд достаточно сделал для психологии и неврологии; его теорию о пансексуализме, особенно по отношению к детям, нужно отместить; нужно брать только основные принципы его методики.

Ступалин.—Вопрос о Фрейте выплыл не случайно. Один из товарищей сказал, что прежде чем критиковать, нужно иметь правильное понятие о том, что критикуешь. Как правило, в отношении фрейдизма это элементарное требование игнорируется. А надо сказать, что изучение Фрейда требует напряженного труда, и понимание его нелегко. Изучение Фрейда дает понимание и огромные знания в вопросах трудового воспитания, в вопросах коллективной жизни, а также в организации вопросов полового воспитания; критику Фрейда надо начинать с практического материала, который он изучает. Работая, как дефектолог, с детьми-невротиками, я должен сказать, что без знания Фрейда в вопросе воспитания мы ничего не могли бы сделать.

Худой (*Школа Моно, ст. Перово*).—Мне кажутся преувеличенными те страхи, которые вызывают вопросы полового воспитания. Я три года в качестве естественника веду группу, начиная с 5 класса, при этом называю вещи так, как они есть, не стесняясь, и никогда никаких насмешек со стороны ребят не замечал.

З А К Л Ю Ч И Т Е Л Ь Н О Е С Л О В О

Раскин (*Ин-т методов школьн. работы, Москва*).—В вопросах, которые были здесь затронуты, особое внимание заслуживает вопрос о роли педагога, о роли его личного примера, о его собственном воспитании. Выступления, которые имели место, со всей определенностью убеждают нас в том, что

наши педагоги-практики серьезно больны в вопросе совместного воспитания. Один из товарищей говорил, что в провинции этот вопрос разрешен, что там он не стоит остро, и для того, чтобы убедить нас в этом, он рассказал, как учащиеся 2-й смены переводятся в первую смену, потому что засиживаются в темных коридорах.

Другой указывает настоящую действительность: мальчики работают в швейных, а девочки в слесарных мастерских. Третий говорит, что основная теоретическая установка по этому вопросу давно дана. Эти факты убеждают в пренебрежении и непонимании вопроса. Между тем т. Бершадская указала, что в рабочем районе, где имеется 75% детей рабочих, в новой школе, к которой проявлено исключительное внимание, вопрос полового воспитания стоит чрезвычайно остро. Этот вопрос проникает во всю педагогическую практику: педагоги обнаруживают иногда чрезвычайное непонимание вопроса. Мы имеем случай, когда девочки обратились к преподавателю с просьбой отпустить их пораньше для того, чтобы участвовать в демонстрации 8 марта, а заведующий школой ответил, что это Международный женский день, а вы еще не женщины, а потому оставайтесь в классе. Мы имеем случай, когда личный пример преподавателя плохо влияет на ребят. Мы имеем факты флирта между преподавателями и ученицами. Мы имеем такие школы, где эти факты являются распространенным явлением. Возникает вопрос: знают ли об этом органы просвещения и принимают ли они соответствующие меры?

В выступлении тов. Чучелова мы имели явление другого порядка. Он чрезмерно сгустил краски, тем самым он играет на руку противникам совместного воспитания. Тов. Чучелов говорил о том, что у нас никто не несет ответственности за раннюю половую жизнь ребят. Мы имели случаи, когда ученица выходит замуж, а школа держится такой линии — «выходишь замуж — уходи из школы». Приведу ряд фактов, на которые нужно обратить внимание: ученица выходит замуж. Муж подает заявление в школу: «Прошу разрешить окончить школу моей жене». Совет постановляет: «Отказать, перевести в другую школу».

В Армавире мы имели другой случай: ученица вышла замуж и забеременела. Об этом узнали преподаватели и неофициально передают этой ученице постановление школьного совета: сделать аборт или уходить из школы, ибо рождение будет позором для всей школы.

Мне поставили на конференции ряд вопросов: «Можно ли допускать выход замуж учениц, и могут ли последние в этих случаях продолжать учиться, особенно, если у них родится ребенок?»

Интересно, что по этому вопросу мы имеем резкое расщепление среди педагогического персонала. Педагогическая молодежь обычно этот вопрос решает правильно: надо помочь этой женщине; старики говорят: «Вышла замуж, ни в коем случае нельзя продолжать учение». Некоторые при этом мотивируют свое мнение заботой о такой ученице. «Вдруг с ней что-нибудь случится в школе, пусть лучше уйдет из школы». Другие же говорят: «Старшие школьники, пожалуй, поймут, но что будут говорить маленькие ребята, если они увидят». Они забывают, что дети видят беременную маму, видят беременных женщин на улице, в быту. Когда по этому вопросу возникает расхождение в педагогическом коллективе, то запрашивают органы просвещения. Последние обычно отвечают, что официально исключать за это нельзя, но все же неофициально санкционируют исключение. Все это говорит о расщеплении педагогического персонала, о том, что школа не умеет вести работу по половому воспитанию, о том, что школа делает чрезмерно мало в вопросе полового воспитания. Я полагаю, что мы должны были бы сделать первый вывод, что работа по половому воспитанию является актуальной задачей.

Второй вопрос—о личном примере педагога—является исключительно важным. Я хочу сказать, что не нужно педагога делать человеком «особого сорта» и требовать от него какого-то особенного поведения, но требовать от педагога, чтобы он был коммунистически этичен—это совершенно необходимо.

Третье.—В наших школах имеет место беспечность к вопросу совместного воспитания, которую необходимо изжить. Мы должны сигнализировать, что на фронте совместного воспитания у нас недостаточно благополучно. На 13 году революции в этом смысле еще нужно сделать чрезвычайно много. Вот почему настоящая конференция рассматривается нами как акт чрезвычайного продвижения вперед. Это первая конференция, на которой врачи, педагоги и педологи должны наметить общие пути разрешения теоретических и практических вопросов полового воспитания.

Баткис (*Ин-т соц. гигиены*). Товарищи! Настоящая конференция является первым специальным совещанием по вопросам сексуальной педагогики в СССР. Старая Россия не знала подобных конференций. Здесь некоторые товарищи указывали на опыт Запада в этом вопросе; я был недавно на Международном конгрессе Лиги по сексуальной реформе в Лондоне, где стояли вопросы сексуальной педагогики. Этот конгресс, состоящий из лучших деятелей Запада, демонстрировал полную беспомощность западно-европейской педагогики в этом вопросе. Немецкие педагоги в состоянии говорить в лучшем случае лишь о беседах для выпускников; никакой системы полового воспитания в условиях буржуазной школы они создать не могут. Прежде всего я хотел бы остановиться на некоторых выступлениях в прениях.

Тов. Корганов не понял моего замечания о том, что социальная гигиена в своей аргументации указывает необходимость социального оздоровления и борется с вульгаризацией этого понятия, указывая таким образом, что дело заключается не только в том, что тот или другой момент наносит биологический вред организму. Речь идет о поведении человека, в целом характеризующем его социальную личность, которое может и не решаться вопросом о вреде организму в каждом данном конкретном случае. Должен сказать, что недостаток методических и практических материалов, который ощущается в докладе, не свидетельствует о том, что их у нас нет. Я перед вами развил программу курса по сексуальной педагогике, в котором мы $\frac{1}{3}$ всего времени уделяем методике сексуальной педагогики (6 часов из 18 час., на которые рассчитан весь курс).

Я не имел в виду сделать в своем докладе стержневым вопросом фрейдизм, но некоторые выступившие товарищи меня вынуждают к этому. Здесь нашлись товарищи, которые с большой рьяностью взяли под защиту Фрейда. Позвольте мне защитить Фрейда от выступивших здесь «фрейдистов». Если бы здесь присутствовал Фрейд, он вряд ли согласился бы с выступившими здесь его «последователями».

Я совершенно согласен с т. Шмидт. Здесь говорили о сублимации, но понимание, которое вкладывается в сублимацию, никакого отношения к Фрейду не имеет.

Фрейд приводит случай, который может явиться хорошей иллюстрацией моей мысли. В одном городе добрые немецкие бюргеры решили экономить на пожарной команде, благо там была всего одна лошадь. Они стали уменьшать ей изо дня в день порцию овса. В конце концов перестали давать

ей овес... через несколько дней кляча околела. Фрейд этим примером предупреждает сторонников 100% сублимации. Фрейд говорит не о пластичности энергии вообще, а о пластичности влечений сексуального порядка. Он говорит, что половое влечение представляет собой комплекс парциальных влечений и отдельные парциальные влечения могут трансформироваться в влечения высшего порядка.

Фрейд — противник материалистической школы. Он говорит, что в основе лежит влечение «либидо». В последних работах Фрейд скатывается к Юнгу; он приходит к идеалистическому монизму. Для него вначале идея, «либидо», вечный эрос; из нее рождаются два противоположных начала, как и у Юнга. Не так-то легко отмежеваться и сказать, что в биологии Фрейд прав, а в социологии не прав. Для этого нужно быть дуалистом. Фрейд вначале указывает формирование идей у человека; от формирования индивидуальной психологии Фрейд незаметным образом переходит к формированию социальной идеологии. Иначе и не может быть... идущие за Фрейдом неизбежно попадают в болото идеализма. Перейду к вопросу о техническом методе Фрейда, о психоанализе. Можно говорить о фрейдовском методе, применяемом в клинике, но нельзя принимать его как фрейдизм, как стройную систему, как попытку построения собственной идеологии, как попытку объяснения даже исторических процессов. Под фрейдизмом я понимаю попытку построить определенное понимание хода развития исторических и естественных процессов.

Я упомяну здесь об ошибке, допущенной т. Шмидт в статье, помещенной в газете «За здоровый быт». Я внимательно прочел эту статью и нашел то место, где ребенок вынуждается к вопросам. Между тем мы постоянно утверждаем, что нельзя идти такими путями: не объясняем же мы маленькому ребенку смену дня и ночи системой Коперника. Мы говорим, что ошибка сделана не случайно. Она вытекает из всей концепции Фрейда. Ребенок оставляется без руководства; любознательность его не регулируется; мало того — вводятся новые понятия, которые у детей вызывают новые вопросы, в результате чего дается полное 100% объяснение. Повторяю, все это не случайно, а вполне закономерно для последователя Фрейда.

Мы рассматриваем половое влечение в его развитии. Мы можем сказать, что в определенные периоды полового влечения, как специфического качества, не было: для этого, чтобы оно развивалось, нужны соответствующие компоненты,

которые в определенной сложной комбинации дают половое влечение. Это является диалектическим разрешением вопроса о возникновении полового влечения. Полового влечения в раннем детстве нет; но оно с течением времени появится; однако не внезапно, не из ничего. Мы не можем рассуждать так, как фрейдисты. Отсутствие полового влечения заключает в себе элементы его присутствия.

Когда фрейдисты выступают и начинают приклеивать половые ярлыки отдельным проявлениям в поведении ребенка, то этим создают нездоровую атмосферу вокруг ребенка.

Фриджюнг описывает ряд фактов, которые показывают, как поспешный диагноз, «половой ярлык» нередко себя не оправдывает. Он рассказывает, как к нему пришла мать и рассказала о том, что ребенок ее мазохист, он обнаруживает ряд извращений в играх. Далее Фриджюнг говорит, что пациент его вырос здоровым и цветущим юношей.

В частности об ощущении удовольствия. Разве у нас нет чувства удовольствия от деятельности организма, например, от принятия пищи, от физкультуры — в результате правильного кровообращения. Получается так, что ребенок не может иметь удовольствия от собственного тела не сексуального порядка. То, что удовольствие от собственного организма представляет собой один из компонентов парциального порядка, это бесспорно, но оно не адекватно половому удовлетворению. Половое влечение не исчерпывается удовольствием от собственного тела. Идя за Фрейдом, фрейдисты разложили половое влечение; и отдельные его компоненты называют также половым влечением. Для нас это не так. Если разложили кучу зерен на отдельные зерна, то эти зерна уже не представляют собой кучу; так и здесь. Когда половое влечение разлагается на мельчайшие элементы, то эти элементы не являются половыми; когда же они сочетаются в определенной комбинации, они получают качества полового влечения. Фрейдисты же сводят все к тому, что складывают куски разбитого стакана, берут отдельные части его и утверждают, что это стакан. Это есть механистическое представление, вульгаризированное представление, роднящее его с идеализмом, в который впадает Фрейд и его ученики. Это является лучшим доказательством того, что фрейдисты совершают ошибку. Нам казалось, что по таким вопросам не придется вести борьбы с товарищами, стоящими на материалистической платформе; оказывается, что это не совсем так. Спор этот с еще большей яркостью поддерживает необходимость теоретической подготовки.

ДОКЛАДЫ

Доктор К. П. ВЕСЕЛОВСКАЯ

Роль педолого-педагогических консультаций в сексуальном воспитании

В своем докладе я хочу подчеркнуть путем иллюстрации заграничных материалов, главным образом немецких, принципиальную установку, которая краеугольным камнем ложится в основу нашей сексуальной педагогики, и то различие, которое имеется между принципиальными установками у нас и в Германии. Установка, которая ставит нашу сексуальную педагогику звеном в системе коммунистического воспитания, является совершенно неприемлемой в буржуазной педагогике Запада. Эту неприемлемость мы наблюдали с чрезвычайной яркостью на интернациональном конгрессе по сексологии в Берлине в 1926 году. Председатель конгресса Молль все время подчеркивал, что дело идет о научном конгрессе¹ и отводил ту социальную установку, которую хотело придать этому конгрессу левое крыло сексологов-немцев, в частности берлинская школа. Ввиду того, что председателем был Молль (представитель правого лагеря), все левое крыло сексологов демонстративно не принимало участия в конгрессе. Целый ряд выдающихся сексологов левого крыла сняли свои доклады и активно отсутствовали. Так, не были представлены: Институт по изучению сексуальных вопросов, Союз охраны материнства, Общество изучения полового просвещения, Союз реформы брака, Общество борьбы с венерическими болезнями. Само собой разумеется, что и делегаты СССР демонстративно отказались от участия в нем. Из резко различной принципиальной установки вытекают и наши расхождения в тех конкретных мероприятиях, которые сейчас намечаются и широко развертываются в Германии, в частности в Берлине.

¹ К. П. Веселовская. Интернациональный конгресс по сексологии. «Социальная гигиена». Сборник № 2 (10). М. 1927 г.

Характерен и второй момент, на котором мы остановимся и который имеет отношение к тем программам и темам, которые являются предметом обсуждения конференции. Из сотни докладов конгресса только один был посвящен сексуальной педагогике — это доклад проф. Дюка, касающийся главным образом вопроса о том, можно ли выделять из общей педагогики сексуальную педагогику как отдельную дисциплину. Пересматривая методы и содержание сексуальной педагогики как отдельной дисциплины, Дюк признает термин «сексуальная педагогика» неудачным, поскольку нет определенного содержания для этой дисциплины. Ввиду того, что вокруг этого вопроса неизбежны теоретические споры и дебаты, предлагается ряд практических мероприятий, о которых говорилось уже на Мангеймском съезде в 1907 г., а именно: нужно рассматривать сексуальную педагогику как отдельный предмет в общей педагогике, который должен быть введен в педагогических высших учебных заведениях.

Интернациональный конгресс в 1926 г. выносит постановление о необходимости введения сексуальной педагогики при институтах и отдельных учебных заведениях, готовящих педагогов. Но надо сказать, что кроме отдельных групповых семинарских занятий с дефектологами-педологами по этому вопросу в Германии, в частности в Берлине, мы не видели другой более основательной постановки по изучению этого вопроса. Перехожу к непосредственной теме моего доклада. В текущей нашей педолого-педагогической работе мы отмечаем в настоящее время как у нас в Москве, так и по всему СССР большое увлечение педконсультациями: потребность и рост их соответствуют большим запросам на педолого-педагогическую работу в связи с темпами нашей жизни.

Целый ряд походов последнего времени принес с собой также и развертывание педконсультаций: дошкольный поход, культпоход, колхозные кампании. Общественная работа сотрудников педвузов и педтехникумов выливается в большом числе случаев в развертывание и обслуживание целого ряда педконсультаций.

Ввиду бурного роста наших педконсультаций, мы считаем необходимым учесть все те виды консультативной работы в Берлине в области сексуальных проблем, с которыми мы имели возможность познакомиться прошлой зимой.

Сексуальная проблема в Германии занимает не последнее место в женском и юношеском революционном движе-

нии; два боевых современных вопроса, волнующих в значительной мере общественную жизнь Берлина — революция в воспитании и сексуальная проблема молодежи — слились воедино.

Беспомощность и вред закрытых учреждений по воспитанию юношества (Fürsorgeerziehung), исключительное влияние книги Sampel'a «Молодежь в нужде», «Die Jugend in Not», успех пьесы «Революция в воспитании», переделанной из той же работы Sampel'a, не сходящей со сцены, — популярнейшие темы общественной жизни Берлина. Коммунистическая фракция рейхстага ставит специальный доклад о реорганизации городских общественных и частных воспитательных учреждений в связи с разоблачениями Sampel'a. Шумные официальные заседания в магистрате, с участием врачей и педагогов, посвящены тому же вопросу.

В ряде докладов, организованных немецким Союзом охраны материнства и сексуальной реформы (Deutscher Bund für Mutterschaft und Sexualreform), вскрывается наряду с другим и половой быт в этих детских учреждениях: большой % воспитанников 10—11 л. до поступления в воспитательные учреждения уже начали половую жизнь. Практикуется цензура внешней и внутренней корреспонденции, строгое разъединение полов, телесные наказания. Один из докладчиков указывал, что процентов 15 воспитанников живет половой жизнью, находясь и в стенах детских учреждений.

Раздавались резкие голоса протеста, критикующие и роль врачей в давящей детскую жизнь атмосфере многих детских учреждений; одинаково пагубно идет воспитание как в религиозных, так и многих медико-педагогических учреждениях. «Действует ли пастор именем бога, или психиатр именем Фрейда — безразлично для сути воспитания», — говорил один из докладчиков-педагогов. Отмечается общее участие прессы разных рангов в поднятых вопросах.

Судебный процесс, на котором фигурировал недавно известный сексолог д-р Годана, привлечший к ответственности издательницу патриотического журнала за клевету, назвавшую его в печати преступным совратителем юношества, ввергающим немецкую женскую мораль в азиатскую культуру, организация в области борьбы за сексуальную реформу общественных и частных союзов юношей и девушек — все это знаменует собой то, что сексуальная проблема в Германии пробилась через все заграждения, по-

ставленные властью, церковью, школой и правым крылом немецких сексологов.

Сексуальное воспитание детей и юношества становится в Германии социальной проблемой.

Социалистический школьный союз организует собрание с участием известных сексологов Годана и Е. Штекер, на конгрессе обсуждаются проблемы пола. Общества рабочей молодежи (*Arbeitergemeinschaft*)—организуют кружковые занятия, где вопросы сексологии занимают видное место.

Нам пришлось принять участие в одном из заседаний кружка, под руководством педагога д-ра Е. Hildbrand. Темой семинара являлась книга т. Коллонтай: «Три пути в любви». Предварительно читается длинный реферат об Эросе в трактовке Платона. Но демократическая молодежь ищет реального разрешения половых вопросов. Забрасывают меня вопросами: как разрешает ряд половых проблем наша коммунистическая молодежь, каково ее отношение к книге т. Коллонтай, признает ли и осуществляет ли наша молодежь длительные формы брака, как относится к половой связи с первой встречной девушкой, что часто имеет место в быту немецкой молодежи, о товарищеском браке и т. д.

С большим изумлением члены кружка узнавали не только о существовании брака и детей у нашей учащейся молодежи, но с трудом верили в наши студенческие «ясли» и «детские сады».

Это являлось ошеломляющей новостью не только для молодежи, но и для педагогов и врачей-демократов, руководителей кружков, имеющих весьма смутное и часто извращенное представление о половой и брачной жизни нашего молодняка.

Надо отметить ту свободу и непринужденность, с какой себя держали члены данного кружка и других: коллективное обсуждение половых вопросов сильно облегчало врачу и педагогу постановку и разрешение многих трудных пунктов программы.

Ряд учреждений в Берлине ведет научно-исследовательскую работу и пропаганду в области сексологии. Каждое из них устраивает свои заседания, публичные лекции и доклады, издает свою литературу, листовки, газеты, журналы. Широко ведется пропаганда среди населения путем лекций, кино-бесед.

Главное управление здравоохранения г. Берлина (*Hauptgesundheitsamt*) совместно с государственным страхованием и рабочей общиной ведет широкую организованную работу

по борьбе с венерическими болезнями: имеется богатый материал, иллюстрирующий организацию специальных исследовательских кабинетов и консультаций по половым болезням, перечень лекций и докладов на специальные темы и пр.

Консультации по вопросам брачной жизни (Eheberatungsstelle) ведутся специалистами сексологами врачами, а по сексуальным вопросам (Sexualberatungsstellen) городскими врачами, по одному на округ. Главные задачи этих консультаций—евгенические, которые, однако, не могут быть по многим причинам широко осуществлены.

Как в Институте сексологии, так и почти во всех сексологических городских консультациях обращаемость главным образом по вопросам противозачаточных средств, регулирования деторождения, психофизиологических уклонений половой функции и онанизма.

Молодежь, подростки стесняются открыто посещать эти специфические консультации. Приходят обычно, уже натолкнувшись на трудности и отклонения в своей половой жизни.

Многие врачи, руководители этих консультаций признают, что для работы с молодежью воспитательно-профилактического характера необходимо создание третьего типа консультаций для молодежи (Jugendberatungsstellen). Опыт этих последних консультаций, организуемых частью при гор. офиц. юнош. отделах (Jugenddsamt) при округах г. Берлина, частью по инициативе популярных врачей-педагогов или по свободной инициативе отдельных групп молодежи, показал, что молодежь охотно группируется в кружке обоего пола для коллективного разрешения волнующих вопросов.

По отзывам д-ра Годана, популярного в пролетарских кругах Берлина школьного врача, руководителя такого кружка,—90% возникающих вопросов относится к половой жизни молодежи. Однако обстановка консультаций всех типов не дает возможности повести беседу с ребенком и подростком с полным успехом: либо расспросы ведутся с близкими в отсутствии детей, либо с детьми с глазу на глаз. Консультации носят обычно характер индивидуальной обработки.

Консультации состоят из медицинских, психиатрических либо психоаналитических процедур. Популярные врачи-сексологи-социалисты перевели свою работу с индивидуальной на коллективную и через головы этих коллективов начинают работу со средой в рамках культурнической работы.

Единственным условием для продуктивной работы, по их общему признанию, является простое товарищеское отношение между членами кружка и руководителем. Ошибки дореволюционной педагогики в области сексуальных вопросов у нас и современной — в буржуазных государствах нам надо учесть при разработке плана и методов своевременной профилактической школьной и внешкольной работы.

Для успешной планомерной работы в области полового воспитания врач и педагог должны взять с самого начала правильную принципиальную установку: не выделять сексуальных вопросов особо, не устремлять всего внимания на прямую борьбу с проявлениями сексуальной жизни детей, а сосредоточиваться главным образом на общей политической и просветительной санитарно-оздоровительной профилактической работе: педконсультации и профамбулатории для подростков и юношей дают у нас для этого самые широкие возможности.

Консультации для подростков и юношей должны использовать все многообразие связей с совсодами, родительскими собраниями, пионер-и комсомолорганизациями, кружками санпропаганды в школе.

Педконсультации могут проводить специальные курсы с проработкой определенной литературы, организовывать специальные заочные курсы.

Я хочу предупредить в увлечении педконсультациями от той ошибки, которую допускает буржуазная педагогика. Наша конференция должна подчеркнуть ту мысль, что мы на педолого-педагогическую консультацию смотрим, как на переходную стадию работы в области сексуальной педагогики, как на одно из звеньев перехода от школьной работы к работе со средой и с населением. Консультативную работу нельзя проводить только в плоскости индивидуального консультирования с отдельными детьми и отдельными родителями; эту меру можно допускать как временную, но вводить ее как правило неверно. Педконсультация — это переходный мост между школой и работой со средой, работой с населением. Педконсультация должна служить помощью педагогу, чтобы последний мог в лице ее найти соответствующее инструктирование, найти соответствующую программу работы, соответствующую руководящую литературу для работы как в стенах школы, так и вне ее стен.

Учитывают ли педконсультации свою работу? Их развертывается много и пока мы не только не имеем определенного плана работы, брошюр, листовок, которые можно

было бы дать на места, мы не имеем даже учета. Мы не улавливаем тех форм работы, в которых она протекает, что особенно важно в настоящий момент, когда мы вынуждены ограничиваться лишь этими временными переходными формами работы в области сексуальной педагогики.

Для консультаций остаются пока невыясненными следующие основные вопросы: посещаются ли педконсультации подростками. Касаются ли врачи и педагоги сексуальной жизни детей. Есть ли специальная обращаемость по сексуальным вопросам. Имеются ли соответственные однообразные программы для обследования детей и среды в части сексуальных проявлений. Даны ли определенные инструкции для четких консультирования по вопросам сексуальной жизни как детей, так и взрослых. Намечен ли план работы с домашней средой, план бесед и проведение определенной работы на предприятиях, культкомиссиях, общежитиях. Имеется ли достаточная вспомогательная литература.

Все эти вопросы еще недостаточно оформлены и должны найти конкретное разрешение в связи с настоящей конференцией.

Как видно из материалов, обследовательские листы и личные карты в наших детучреждениях и педконсультациях мало уделяют места обследованию психофизиологических проявлений из области половой жизни ребенка, почти не отличаясь от личных карт берлинских школ и консультаций. Необходимо вставить соответствующие пункты для более полного обследования различных сторон полового развития ребенка, а не только резких отклонений в этой области.

Наши анкеты и программы по изучению среды ребенка также ограничиваются скудными трафаретными вопросами (спанье в одной кровати, циничная брань, онанизм и проч.), почти ничем не отличаясь от иностранных опросников этого рода: в ряде представленных новейших обследовательских листов нормальных и вспомогательных школ Берлина нет ни одного слова об обследовании сексуальных проявлений ребенка. Исключение составляют специальные индивидуально-психологические карты для трудно-воспитуемых (издание Интернационального союза индивидуальной психологии).

Богатый педологический материал, собранный у нас за последние годы по обследованию среды, вскрывает исключительное влияние социально-бытовых факторов на сексуальные проявления детей. В этом отношении должны быть также пересмотрены наши обследовательские листы и программы.

Роль физической культуры в сексуальном воспитании ¹

В моем кратком сообщении я хочу остановить ваше внимание на одном обстоятельстве, которое в будущем должно иметь очень большое значение в качестве фактора, регулирующего половое поведение человека. Я говорю о физической культуре. Чтобы не быть ложно понятым, я должен указать, что под физической культурой я понимаю тот широкий комплекс физических мероприятий, куда входит полный гигиенический режим, правильное использование солнца, воды, воздуха и физических упражнений, и которые должны быть проводимы прежде всего рационально. Надо отметить, что в настоящей действительности использование этого широкого комплекса физической культуры имеет много дефектов как в области методики, так и практики (кратковременность, случайность и бессистемность физкультурных мероприятий), что лишает их должного педагогического воздействия и должного значения в области физического воспитания. С этими предпосылками я хотел познакомить конференцию с наблюдениями, которые производятся в Ин-те физкультуры, и указать на выводы, которые можно сделать из этих наблюдений. Прежде всего надо указать на то, что физические упражнения и спорт захватывают молодежь, что в значительной степени отвлекает ее от половой распущенности и половых переживаний. Такие явления часто нами наблюдались. Усиленная физическая и мышечная работа, связанная с физ. упражнениями, также дает определенный эффект в смысле отвлечения от половой жизни. Мы часто наблюдаем, что у женщины крестьянки во время тяжелой летней страды пропадают месячные, что говорит о том, что определенные физические условия оказывают влияние на половые функции.

В области физкультуры мы имеем ряд аналогичных наблюдений. Привычка к обнаженному телу, которая создается благодаря совместным занятиям физкультурой юношей и девушек, безусловно в большинстве случаев способствует оздоровлению отношений между полами. Целый ряд хотя

¹ Некоторые положения в выступлении т. Б. Ивановского, не получившие отражения в прениях, редакция считает недостаточно обоснованными.

немногочисленных, но уже проведенных обследований, например, в Ленинграде и Сталинграде, дал данные о том, что у физкультурников, систематически занимающихся физкультурой, половая жизнь начинается несколько позднее, и они дают меньший % венерических заболеваний. Так, по данным доктора Пинуса, обследовавшего в Сталинграде 2.000 комсомольцев, не физкультурников, имевших к 17 годам половые сношения, было 32%; среди физкультурников таковых было 12%. Для 18-летних мы имеем соответственно 52% и 33%. Цифры достаточно показательные. Аналогичные данные дало обследование и в Ленинграде. Наши наблюдения, которые мы проводили над боксерами, наблюдения анкетного порядка, показали, что у всех обследованных нами боксеров—ленинградских, московских и брауншвейгских, бывших одно время нашими гостями, половое влечение ослабевает во время тренировки, а у некоторых совершенно исчезает. В данное время в Инфизкульте нами проводится большая анонимная анкета, в некоторых высших и средних учебных заведениях, в кружках по физкультуре, т.-е. у лиц, которые систематически тренируются в области физкультуры, которая должна проверить эти данные.

Мы намерены собрать 5.000 анкет, пока имеем всего 150. На этих анкетах выясняется интересный факт, что те, которые начали давно заниматься физкультурой, в подавляющем большинстве указывают на благотворное влияние физкультуры на ее роль в переключении половой энергии. Те же, которые начали заниматься физкультурой недавно, указывают обратное, будто бы под влиянием физкультуры у них отмечается усиление и обострение полового влечения.

Своим сообщением я хочу лишь привлечь ваше внимание к этому вопросу и считаю, что в резолюции, которая должна быть принята по докладу проф. Молькова, необходимо подчеркнуть, что в физкультуре, правильно и рационально построенной и проводимой, мы можем иметь фактор, регулирующий половое поведение человека.

Тов. Конюс (*Гос. ин-т охраны материнства и младенчества, Москва*).—Я хочу прежде всего указать на то, что у педагогов и врачей нет конкретного материала и конкретных указаний для проведения полового воспитания в школе и для работы со средой. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что для большинства педагогов этот вопрос является неясным, до сих пор недостаточно разрешенным. В частности по вопросу о частной жизни педагогов, о которой здесь

говорили, укажу на случай, который имел место в школе, где я работаю. Мальчик говорит учительнице: «Вера Павловна, я вас видел вчера в кино».—Учительница отвечает: «Да, я была вчера в кино».—Мальчик дальше продолжает: «Вы были с молодым человеком».—Она в ответ: «Да, я была с молодым человеком».—Мальчик дальше: «Вы шли с ним под ручку».—Учительница смущенно что-то ответила; мальчик все дальше с расспросами: «А у вас, Вера Павловна, дети есть?»—Она отвечает: «Нет».—«А были у вас дети?»—Учительница отвечает отрицательно. Тогда мальчик и говорит: «С молодым человеком под ручку ходите, а детей не имеете». Этим беседа закончилась; учительница не нашла нужным от себя ничего добавить.

Чувствуется на каждом шагу, что мы, педагоги и врачи, не умеем воспитывать. Мы должны думать о том, чтобы дать детям материал, по которому они создали бы для себя правильную установку в половом вопросе; надо дать такой учебно-педагогический материал, из знакомства с которым создастся правильная установка. Мне кажется, что охрана материнства и младенчества дает прекрасный материал школе по этому вопросу. Я позволю себе кратко рассказать об опыте моей работы в этой области. Работа у нас велась главным образом с девочками старших групп, которые приходили к нам в консультацию и знакомились с гигиеной женщины, вскармливанием детей и т. п. Теперь мы повели эту работу с младшим возрастом, с 4-й и 5-й группами. Мы ведем эту работу в порядке преподавания с соответствующими экскурсиями, а в 7-й и 8-й группах в порядке клубном, в отдельных по полу аудиториях. Товарищей, интересующихся более подробно программой работ, я могу отослать к своей статье, напечатанной в журнале по изучению раннего детского возраста. В каждом занятии мы даем некоторые сведения о ребенке и о матери, сопровождая беседу экскурсией. Интерес к нашим занятиям у детей огромный. Вначале мы встретили сопротивление не столько со стороны педагогов, сколько со стороны врачей. Сначала мы говорим с детьми о нормальном, здоровом ребенке, о новорожденном, о его неустойчивости, о необходимости бережного отношения к нему, о том, что девять месяцев он провел в теле матери и что материнский организм служил ему защитой, об изменениях в организме матери во время беременности и т. д. Когда ребята увидели новорожденного ребенка в первый раз, многие из них говорили: «я всегда думал, что это пупочек, зачем он нужен». Когда

мы указали, что пупком ребенок был связан с матерью, дети были довольны. Мне кажется, что это чрезвычайно удобный путь для ознакомления детей с вопросом пола, путем иллюстрации естественной связи ребенка с матерью. Первую работу мы провели в совместной аудитории мальчиков и девочек.

Вся работа ведется при обязательном участии педагогов; последние следят за реакцией детей, не появляется ли чрезмерного интереса у детей к этому вопросу.

В процессе работы и у педагогов накапливается известный опыт в этом деле.

Затем следует знакомство детей с яслями, с домом для беспризорных матерей, с молочной кухней, с процессами вскармливания, с вопросами борьбы с беспризорностью и т. п.—все это проводится путем экскурсий. (Возраст наших детей от 11 до 13 лет.) Мне кажется, что в ряде других путей, по которым педагог может идти в деле сексуальной педагогики, нужен и путь опытной работы. Метод работы Института охраны материнства и младенчества—это и есть один из путей в этой области.

Мольков.—Ограничение времени докладчиков не дало достаточной возможности последним построить доклады на основе конкретных мероприятий, связанных с сексуальной педагогией, и не позволило им изложить полностью свои тезисы и обосновать их. Некоторые доклады и развернувшиеся прения внесли много ясности в рассматриваемый нами вопрос, но много оказалось и недоговоренным. Я считаю нужным указать на те пропуски, которые имели место в моем докладе, а именно: я считаю необходимым в систему воспитания и образования внести и задачу по выработке соответствующей *идеологии юношеских групп*. Здесь т. Бершадская привела много случаев из жизни и нужно приветствовать ту постановку, которая базируется на конкретных явлениях жизни. Аномалии, образовавшиеся вследствие ненормально сложившихся отношений между мальчиками и девочками, нужно парализовать, вовлекая обе стороны в разработку идеологии в области отношений между полами.

Теперь относительно *физкультуры*. Мною получены две записки, которые выражают недоумение по тому поводу, что я отрицательно, якобы, отношусь к физкультуре, как к фактору в деле сексуальной педагогики. Это неверно. Я считаю физкультуру одним из положительных факторов воспитания вообще и в области сексуальной в частности.

Я говорил лишь, что при наличии сложившейся половой доминанты физкультура может привести к обратному результату, к усилению ненормальных проявлений полового характера. Должен указать, что физкультура, как таковая, даже правильно поставленная, не является панацеей. Нужно изучить объект и применять к нему соответствующие меры воздействия, в том числе, может быть, и физкультуру. Ведь те данные, которые здесь сообщил тов. Ивановский, могут быть истолкованы различно. Что значит, что те или иные анкеты показали, что боксеры оказались менее сексуальными, чем не боксеры? Но разве нужно сделать людей асексуальными? Если какие-нибудь мероприятия препятствуют нормальному проявлению сексуальности, будь-то уменьшение или увеличение, они являются неправильными. Затем мы не знаем, что является причиной и что является следствием. Ссылка на аналогию из животного мира, конечно, с диалектической точки зрения, не совсем правильна, но все-таки мы знаем, что кастрированное животное проявляет большее развитие мышечной системы. Я привожу пример только потому, что причина и следствие в данном случае перемещаются: потому ли сексуальность иначе выражается, что они боксеры, или потому они боксеры, что сексуальность у них иная. Это неизвестно. Мы должны сказать, что физкультура является одним из мероприятий педагогического воздействия, которое нужно приветствовать, если она поставлена правильно, но что она часто бывает поставлена хуже, чем многие другие стороны в системе воспитания. Пройдитесь по разным детским учреждениям, пройдитесь по клубам и кружкам, разве часто вы встретите там такую постановку физкультуры, как это рисует тов. Ивановский? Он должен был оговориться, что, вырабатывая принципиальные посылки для этого дела, мы еще далеко не дошли до того, чтобы быть в состоянии учитывать физкультуру, как положительный фактор в общей системе гигиенического воспитания. Мы еще ни в какой мере не можем сказать, что физкультура, даже правильно понимаемая, правильно проводится в жизнь. При этом условии мы должны соблюдать большую осторожность в ее применении, как метода воспитания.

Затем я получил вопрос о том, как быть в отдельных случаях, когда в школе при совместном воспитании мальчиков и девочек мальчики сексуально возбуждены. Позвольте не отвечать на этот вопрос. Я в данном случае точно так же не могу ответить, как если бы меня спросили:

у меня имеется больной с воспалением легких, что ему дать — валерианку или что-нибудь другое. Каждый случай надо подробно разобрать, проанализировать, нужно узнать причину и устранить ее. И, конечно, нельзя совершенно исключить случая, когда мальчиков и девочек нужно разделить в порядке проведения коррегирующих мероприятий. Мы должны сказать, что *все случаи конкретных мероприятий должны быть индивидуализированы на основе изучения.*

В чем центр тяжести всего моего доклада? Мы говорим, что должно быть ясно осознано, что задачи полового воспитания лежат *на ответственности педагога.* Это должно быть осознано ими, и они должны соответственно этой задаче заняться *собственным перевоспитанием, овладеть соответственной методикой* и увеличить соответствующую сумму знаний; врачи же не должны также от этой проблемы отмахиваться, а должны по мере своих возможностей (которые должны увеличиваться) *быть консультантами и помощниками педагогов.* В этом центр тяжести моего доклада. Необходимо также изучение объектов воздействия. Необходимо установить методику работ, над чем придется поработать.

Мною получена также записка, где меня упрекают в том, что я начал свое выступление с указания, что с научной точки зрения эта проблема уже разъяснена, а в дальнейшем я указывал, что здесь имеется еще большое поле для изучения, таким образом я якобы сам себе противоречу. Это не совсем так. Что ясно для нас?—общие теоретические предпосылки в советской стране можно считать ясными и достаточно осознанными, но это не значит, что все тут до деталей изучено. Само собою разумеется, что методику в дальнейшем придется еще глубже разрабатывать и изучать. Думаю, что для дальнейшего изучения вопроса, для направления внимания широких масс педагогов и врачей к этому вопросу необходимо прежде всего продолжить работу тому центру, который подработал материал к нашей конференции; таким образом необходимо объединению институтов, существующему в форме кружка по изучению вопросов сексуологии и сексуальной педагогики, продолжать работу. Работу этого центра нужно укрепить и стремиться распространить его влияние на широкую сферу. Кроме того, необходимо подчеркнуть важность и необходимость созыва более широкого Всесоюзного съезда для проведения соответствующей *подготовки к предстоящему Международному конгрессу,*

намечающемуся быть созванным в нашей стране в 1931 г. Эти пожелания должны быть отражены в нашей резолюции.

Затем нужно заострить внимание *на вопросе о кадрах*. С одной стороны, надо озаботиться подготовкой кадров педагогов, а с другой — подготовкой и повышением квалификации существующих кадров врачей и подготовкой высококвалифицированных работников в этом деле. Осуществление этого момента особенно важно в связи с тем явлением, что наша жизнь строится на новых началах, старый быт ломается, и профилактическая работа врача приобретает все большее место в медицинской работе. В вопросе сексуальной педагогики важно иметь определенную армию врачей-педагогов, занятых задачами оздоровления населения вообще и детей в частности. Наша высшая медицинская школа, как известно, стоит перед реформой. Она так же, как и высшие технические учебные заведения, должна быть преобразована соответственно указаниям ноябрьского пленума партии. Мы стоим перед вопросом необходимости сравнительно в короткий срок выпускать специалистов; врачи должны выходить из университета не только врачами лечущими, которые впоследствии пройдут через какие-нибудь краткосрочные курсы по подготовке к профилактической деятельности в области охраны здоровья детей; они должны выпускаться в этом отношении подготовленными. Поэтому я вношу предложение выразить полное сочувствие происходящему процессу преобразования вузов с точки зрения введения системы бифуркации, разделения на уклоны с тем, чтобы в значительной мере усилить и ускорить выпуск врачей, подготовленных в области профилактики, в частности же в деле охраны здоровья детей и юношества. Что касается предложения т. Баткиса о необходимости организовать семинары, думаю, что наша конференция должна сочувственно отнестись к тому, чтобы организовать таковые для педагогов и врачей, желающих овладеть методикой сексуального воспитания.

А. Г. ЦЕЙТЛИЧ.
(Ин-т ОЗД и П)

Т Е З И С Ы Д О К Л А Д А

Проблема изучения детской сексуальности и вопрос о методике исследования сексуальности у детей¹

1. Изучение сексуальности у детей представляет серьезные трудности и требует исключительной осторожности. Подобное изучение в своем

¹ Доклад печатается в сборнике «Проблемы возрастной педологии». (Опыт изучения сексуальности у детей школы педологической клиники института ОЗД и П).

практическом осуществлении должно избегать в первую очередь фиксации в какой-либо степени внимания детей к изучаемому предмету, должно быть максимально объективным, тщательно учитывая особенности каждого ребенка в отдельности и всего коллектива в целом.

2. Наиболее распространенный анкетный метод изучения сексуальности у взрослых является неприемлемым по отношению к детям в силу того, что: 1) достоверность анкетных показаний у детей является крайне сомнительной, 2) анонимность анкет лишает их практической педагогической ценности, 3) структура анкеты по принципу учета максимально возможных и варьируемых частных особенностей может явиться очень часто по отношению многих детей фактором провоцирующего порядка, 4) словесная форма выражения у детей не всегда правильно отображает содержание соответствующих понятий и представлений, являясь часто результатом случайных чисто словесных ассоциаций.

3. Исходя из вышеизложенного, следует считать в настоящее время наиболее правомочным методом изучения сексуальности у детей метод объективного и систематического наблюдения.

4. Для правильного своего проведения метод наблюдения требует: а) тщательно проработанного плана наблюдений; б) объективной фиксации материалов наблюдения; в) культуры наблюдателя в смысле осуществления самого наблюдения и фиксации материалов; г) близкого общения и тесной связи между наблюдателем и наблюдаемым и д) достаточно продолжительного отрезка времени для осуществления наблюдения.

5. В силу этого массовое детучреждение представляет значительные трудности для проведения наблюдения. Эти трудности состоят из: а) отсутствия достаточно доступных для массового наблюдателя (педагога) разработанных планов наблюдения, б) недостаточной подготовленности массового наблюдателя-педагога, в) отсутствия достаточно организованного детского досуга и связи между массовым детучреждением и семьей, что лишает возможности вести наблюдение за поведением ребенка вне детучреждения, г) при цикловом и предметном преподавании нарушается целостность наблюдения и постоянная связь между наблюдателем-педагогом и наблюдаемым.

6. Отсюда вытекает необходимость применения при изучении сексуальности у детей в массовом детучреждении, помимо метода наблюдения, также и других методов, отвечающих всем указанным выше в п. I требованиям.

7. Исходя из общего понимания сексуальности, представляется методически правильным и целесообразным использовать в целях изучения сексуальности методы определения ассоциаций, фантазий и эмоций у детей.

8. В порядке опыта на детском коллективе школы педологической клиники Ин-та ОЗД и П и в отдельных группах массовой школы Соцвоста и школы ФЗУ произведена попытка выявления сексуальности де-

тей на основе индивидуального ассоциативного эксперимента и коллективного эксперимента по методу воспоминания, ограниченного предложения (Шнеерсон) и методу определения (Штерн, Майман). Оценка (качественная и количественная) сексуальности детей, произведенная согласно данных эксперимента, дала совпадение с данными наблюдения в 80—85%. Наиболее высокие результаты совпадения дали ассоциативный эксперимент, не считая свободной ассоциации, не давшей заметных результатов, метод ограниченного предложения (музыкальный отрывок) и в отдельных частях метод определения.

9. Сопоставление данных сексуальности детей на основе эксперимента с их конституциональными особенностями подтверждает характеристику Кречмера: шизофренически предрасположенные дети (астеники и атлетики) обнаруживают преимущественно слабо и неясно фиксированное направление сексуального инстинкта, циркулярно предрасположенные (пикники)—простой, естественный и живой сексуальный инстинкт. На ряду с этим дети с живой и достаточно выраженной сексуальностью насчитывают наибольшее количество физически здоровых и активно общественных, при пониженном интересе к производственному труду, не отличаясь от остальных детей своим интеллектуальным развитием и одаренностью. Степень и характер сексуальности не определяются целиком возрастом и конституцией детей, а зависят от множества факторов социально-биологического порядка.

10. Проведенный опыт и полученные данные можно рассматривать лишь как предварительные, требующие в дальнейшем своего уточнения и проверки на массовом материале как в части методики, так и дифференциации самого опыта в отношении различных детских групп. Однако полученные результаты дают основание считать указанные методы заслуживающими внимания и практически целесообразными.

С. М. РИВЕС

(Ин-т методов школьной работы)

ПОЛОВОЙ АНТАГОНИЗМ В ДЕТСКОЙ СРЕДЕ

I

— Товарищи! То, что я сейчас буду излагать, является результатом одного из исследований, произведенных комиссией по изучению идеологии, существующей уже ряд лет при Институте методов школьной работы.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выявить принципиальные взгляды детей на целый ряд вопросов, касающихся проблемы совместного воспитания и взаимоотношений между мальчиками и девочками. Здесь говорилось о том, что можно сексуальную педагогику свести

к правильной организации педагогического процесса, физкультуре и т. д. Нам хочется подчеркнуть, что какие бы методы полового воспитания мы ни применяли, они должны в конечном счете привести обязательно к оформлению у детей определенной идеологии, а именно, нашей идеологии, в частности по оформлению принципиального подхода к интересующему нас вопросу о взаимоотношениях между мальчиками и девочками. Все помнят, как Костя Рябцев во что бы то ни стало хочет задавить или разрешить «проклятую половую проблему», но оказывается совершенно бессильным исключительно из-за того, что у него нет «установки». Ему неизвестно, как тот или иной момент (скажем, «капустники») нужно оценивать с комсомольской точки зрения. Одной из наших задач совместного воспитания является оформление у наших детей коммунистических взглядов по вопросу о взаимоотношениях между полами. Только при этом условии создается необходимая предпосылка для развития и укрепления в детской среде нужных нам товарищеских отношений между мальчиками и девочками как в школе, так и вне ее, а также в пионеротряде. Как в настоящий момент обстоит дело в нашей школе на данном конкретном участке детской идеологии, другими словами, как смотрят наши дети на то, каковыми должны быть взаимоотношения между мальчиками и девочками в школе и вне ее? Для выяснения идеологии детей в этом возрасте мы воспользовались *методом коллизий*, каковым наша комиссия преимущественно пользовалась при исследовании детской идеологии вообще. Метод этот заключается в следующем: во-первых, мы выдвигаем перед ребенком определенную ситуацию или, вернее, жизненное затруднение, из которого нужно найти выход (отсюда термин «коллизия»), во вторых, мы предлагаем ребенку на выбор три готовых выхода, подобранных не только таким образом, чтобы среди них были неправильные и правильные ответы, но чтобы каждый выход давал определенную идеологическую установку (явно враждебная, «нейтральная» и положительная). При нашей установке на выяснение «идеологического иммунитета» нам нужно выяснить, как ребенок противостоит отрицательным явлениям среды, а потому нам важен именно выбор определенного выхода из данной коллизии. Нам важно выяснить, может ли обследуемый ребенок распознать чуждое влияние и от него отмежеваться. Но этого мало. Нам нужно вскрыть еще мотивы, которые руководят им при выборе положительного или отрицательного выхода. Исходя из этого, мы

не довольствуемся одним лишь подчеркиванием правильного выхода, а мы требуем обязательного обоснования того, почему выбран именно тот, а не другой из предлагаемых из коллизии выходов. Основные элементы каждой коллизии, следовательно, таковы: 1) жизненное затруднение, требующее выхода, 2) готовые выходы, предлагаемые на выбор соответственно разным идеологическим установкам, 3) требование от испытуемого обоснованного выбора одного из предлагаемых выходов.

Объектом нашего исследования, произведенного в конце 1929 уч. года, явились 3 школы района Трехгорной мануфактуры, 3 деревенских школы районов Гагинской станции и Покрова и одна крупная городская школа Хамовнического района. Детей охвачено 1038; общее число реакций (по 4 раздражителям)—4132. Характеристику состава по отдельным признакам дают следующие цифры в ‰ по отношению к общему числу обследованных нами объектов:

Дети рабочих	34,4	До 12 лет—	18,4
» крестьян	31,0	» 13—14—	58,6
» служащих	21,8	» 15—16—	33,0
» прочих	12,8		
Пионеров	28,8	Мальчиков—	57,7
Не пионеров	71,2	Девочек —	42,3

Организация обследования была такова:

Все раздражители были напечатаны на отдельных листочках и в таком виде раздавались детям для заполнения. По заполнении дети опускали таковые в ящик, не подписывая их. В самом начале опыта делалось в категорической форме заявление о том, что работа добровольная. Листки были занумерованы и раздавались во время эксперимента в определенном порядке, так что по номеру мы потом устанавливали все необходимые нам справочные сведения о данном ребенке. Во всех школах и группах обследование проводилось нашим сотрудником при участии и помощи педагога, на котором, кроме поддержания порядка при обследовании, лежала еще обязанность протоколиста и наблюдателя.

II

Чтобы дать представление о том, что дает наш метод и каким путем используются нами выявленные посредством его детские реакции, приведем здесь более полно данные хотя бы по одной из коллизий, называемой «спор». Доподлинный текст этой коллизии таков:

«В одном классе было очень тесно. Решили вынести одну парту, чтобы стало свободнее. Сидевшей на этой парте Груне надо было пересесть к мальчикам. Она отказалась, говоря: «Ни за что к мальчикам не сяду. Ни за что».

Вопрос был поставлен в учкоме, где ребята поспорили между собой. Один заявил: «На то у нас общая школа для мальчиков и девочек, чтобы они вместе учились, вместе сидели и работали, а не делились на два лагеря».

Другой выступил в защиту Груни и сказал:

«У нас общая школа, мальчики и девочки учатся в одном классе, но парты могут быть отдельные для мальчиков и для девочек».

Третий сказал:

«А по-моему, не только на одну парту не надо сажать мальчиков и девочек, а надо, чтобы мальчики и девочки учились в разных школах».

Кто прав: первый, второй или третий и почему?»

Что дети ответили на эту коллизию, затрагивающую весьма больной вопрос совместного воспитания?

1. «Женщины должны учиться в женских школах, а мужчины в мужских».

«И вообще учились бы так, как учились раньше, только бы мальчики и девочки учились отдельно».

Итак, учиться отдельно: мальчикам в мужских, девочкам в женских школах, как раньше учились. Вот очень четкая недвусмысленная позиция ребят этой группы.

Обоснования своего мнения дети не дали. «Просто, чтобы учились отдельно, и все».

В высказываниях следующей группы имеются уже сексуальные обоснования: вся вина сваливается на мальчиков, которые делают невозможным совместное обучение.

«Мальчики ругаются нехорошими словами, девочке от него слушать нехорошо».

«Дерутся». «И всегда мешают заниматься. Девочки учатся усердно, а они мешают».

«Мальчики — хулиганы, с которыми нельзя сидеть и учиться. Они нарушают дисциплину в классе. Лучше было бы, если бы девочки учились отдельно, а мальчики отдельно».

«Если мальчик сидит с девочкой, то на перемене после звонка будут дразнить мальчика «девочка».

Есть такие, которые указывают обратное. Они девочек считают главными виновниками «спора». Читаем: «Девочки только мешают заниматься своим смехом. На перемене визжат, пищат».

«С девочками сидеть неудобно. Они вечно пищат. Как стрекоза и муравей».

Кого бы ни считали главным виновником — мальчиков или девочек—придерживающиеся разбираемой позиции дети делают практический вывод, выраженный ярче всего в следующих словах одного из опрошенных:

«Мальчики и девочки должны учиться порознь потому, что не было бы никаких недоразумений и неприятностей». Некоторые ребята этой группировки приводят в обоснование раздельного воспитания еще мотивы, ярко окрашенные сексуальным оттенком. Вот образец такой мотивировки: «Если бы мы учились отдельно, некоторые гораздо лучше бы учились. А то у нас в школе есть такие субъекты, которые с ранних лет занимаются лишними делами. Это им мешает заниматься. Если с малых лет гулять, что же будет дальше».

Итак, первая позиция, обнаруженная нами по нашей первой коллизии, считает совершенно исключенной возможность нормальной работы в школе, где обучаются рядом мальчики и девочки. Близко к этой непримиримой враждебной позиции стоят те, которые требуют того, чтобы были обязательно отдельные парты в одном классе. Мотивировки сторонники этой позиции тоже не дают, просто декретируя свою позицию: «На разных партах, потому что девочка не будет сидеть с мальчиком, а мальчик с девочкой, и чтобы всегда было так».

«Ни одна девочка не села бы с мальчиком».

«Мальчик с девочкой сидеть не будет и наоборот».

«Чтобы девочки сидели вместе с мальчиками — это по моему мнению недопустимо».

Однако не все стоящие за отдельные парты уж так беспечны на счет обоснований. И здесь как при защите принципа раздельного воспитания, одни во всем обвиняют лишь мальчиков, другие только девочек. Здесь, однако, имеют место и такие мотивы, как: «неловко», «стесняются». «Девочка, когда сидит с мальчиком, стесняется». «Стесняешься и неловко». «Должны сидеть отдельно, меньше смущения».

«Конечно, девочка с мальчиком не сядет—задразнят ребята».

Отвечающие так сами по себе не настроены агрессивно, но «все-таки» считают невозможным сидеть на одной парте с ребятами другого пола. В силу того, что «задразнят», «засмеют» и ребята, и родители, и даже учителя.

Авторы приведенных строк состоят во вражде с другим полом не в силу убеждения, а из боязни общественного осуждения (враждующие поневоле).

Приведенные позиции в своей практической части являются совершенно определенно отрицательными — сидеть вместе на партах по тем или иным причинам они все категорически отказываются. Не все опрошенные нами, однако, так категоричны. Есть такие ребята, которые «виляют», готовы «и так и этак»; по существу уклоняются от прямого ответа.

Иначе звучат высказывания 3-й обследуемой группы.

«Если мальчики хорошие: не хулиганы и не мешают другим работать, то я бы согласилась сидеть рядом с мальчиком, и прав тот, кто говорил, чтобы девочки работали вместе с мальчиками. А если мальчики хулиганы и мешают другим работать, то я бы не согласилась сидеть с мальчиками, и прав тот, кто говорил, чтобы девочки и мальчики учились в разных школах».

«Мальчики не все относятся к работе серьезно. Есть некоторые, ведут себя неприлично даже для рабочих детей. Некоторые подумают, что это мещанство, но по-моему здесь мещанства нет».

Итак, принципиального подхода здесь нет. По существу, дело сводится к тому, что это дело личное. Некоторые из этой группы, не давая своего подхода к вопросу, ссылаются на учителя: «как скажет учитель, так и будет».

«В классе надо сидеть, как учитель рассадит». «Если учитель говорит, сядь с мальчиком, а то нет парт — надо слушаться».

Или ищут не принципиального, а формального выхода из положения.—«Если девочка стесняется, то почему ее не посадить на другую парту в этом классе».

Таким образом и в этих случаях ребята не видят принципиальной сущности проблемы. Даже там, где они пытаются будто бы возразить как-нибудь сторонникам раздельного воспитания, то это выходит все так же беспринципно. «Незачем нам занимать две школы или больше. Лучше потесниться в одной».—«Если будут вместе—экономнее, а так надо много денег, здание и т. д.»

4-я позиция.—«Разницы между мальчиком и девочкой никакой нет. Кто говорил, что должны мальчики и девочки отдельно учиться, пускай ответит, почему мы не можем учиться вместе».—«Мальчик и девочка — одно существо».—«Мальчик человек и не кусается».

Нет никакого основания для какого бы то ни было антагонизма между мальчиками и девочками. Мальчики и девочки «одно существо». Придерживающиеся такого взгляда естественно за то, что *не должно* быть никакой розни между мальчиками и девочками. «Девочки и мальчики должны быть дружны и не иметь между собой розни». — «Школа для всех и в ней мальчики и девочки должны жить одной семьей, помогать друг другу в случае нужды и не делиться на две половины». — «При такой дружной жизни и работе мальчиков и девочек как значительно поднялась бы дисциплина в школе». Последний момент оттенен в ряде высказываний. — «Если мы будем разделяться на две партии, то у нас не будет никакого общего коллектива и будут всегда ссоры. А надо, чтоб был совместный коллектив».

«Если мальчик будет сидеть с девочкой, в классе будет меньше беспорядков и не будет никакого шума».

«Мальчик привыкнет и не станет так хулиганить в школе, а девочки привыкнут, что мальчик будет бояться девочку и дисциплина будет хорошая».

Здесь перед нами впервые выступают сторонники товарищеских отношений между мальчиками и девочками. Они в противовес тому, что мы имели в предыдущих позициях, не видят никакого основания для разделения на два лагеря. Они тоже обращают внимание на то, что нет дисциплины в школе, но они спасение видят не в возврате к старому, а в том, чтобы мальчикам и девочкам зажить по-новому, по-товарищески. Перейдем, наконец, к последней группе ответов по данной коллизии.

«У нас школа советская, а не мещанская. Раньше не хотели, чтобы дочь помещика сидела с дочерью крестьянина. Это я считаю несправедливым. Должны быть все одинаковы. Что девочки, что мальчики».

«Если будут отделять женщину от мужчины, то у нас не будет советская власть, а буржуазная. А раз у нас власть советская, то эта власть стремится, чтоб женщина была равна мужчине». — «В дальнейшей жизни женщине придется жить вместе с мужчиной. Кроме того, советская власть стремится к тому, чтобы женщина и мужчина были равны и работали вместе». — «Это не прежнее время, когда женщину считали не человеком. Мы должны коллективно работать, как брат с сестрой, и не должны считаться, мальчик или девочка».

«В СССР не должно быть двух лагерей — женского и мужского». — «При работе на фабрике или заводе девочку от мальчика отделить нельзя».

«При советской власти что женщина, что мужчина равноправны, а не как при царской власти. Могу привести такую поговорку: в царское время говорили «курица не птица, а баба не человек».

Самое основное, что отличает данную группу ответов от всех приведенных выше, это ее принципиальная выдержанность. Здесь вопрос о мальчиках и девочках берется исключительно в аспекте задач строительства социализма, раскрепощения женщины и воспитательных задач школы. В отличие от предыдущей группы здесь ратуют не просто за дружбу. Здесь вопрос ставится глубже. Сторонники этой установки ни капельки не недоумевают по поводу того, что нет должного мира, дружбы между мальчиками и девочками. Они знают причину: это наследие тех времен, когда «бабу» не считали человеком. Так было, но так не должно быть. Сейчас нужна не просто дружба, а нужно вместе строить социализм.

Половому антагонизму нужно противопоставить антагонизм классовый — высоко принципиальное содержание последней позиции, которая несомненно является позицией последовательно коммунистической. Итак, от совершенно непримиримых антагонистов, враждующих друг с другом сознательно и по принципиальным соображениям стоящих за раздельное воспитание — до высоко сознательных борцов за новое отношение к женщине, таков диапазон тех течений, размах тех разногласий, которые вскрывают нам реакции обследованных детей на нашу коллизию «спор». Такую же дифференциацию или расслоение обнаружили мы и по другим трем проведенным нами коллизиям, затронувшим моменты совместного воспитания: личная дружба между мальчиками и девочками, совместная работа мальчиков и девочек на дому и участие девочек в самоуправлении (девочка-председатель учкома). За краткостью предоставленного мне времени я не имею, к сожалению, возможности привести здесь ни содержания этих коллизий, ни тем более детских ответов по ним. Необходимо, однако, подчеркнуть, что ответы по всем коллизиям нам удалось подвергнуть *единой классификации* на пять основных установок или принципиальных позиций, которые, очевидно, имеются в детской среде по вопросу о взаимоотношениях между мальчиками и девочками. Первая позиция — *принципиально враждебная*. Стоящие на этой позиции пребывают в состоянии войны с другим полом по принципиальным соображениям. Они не находят никакой почвы для товарищеских отношений, ибо слишком противво-

речивы характеры, интересы, взгляды обоих полов. При этом каждый из сторонников этой позиции свой пол считает, конечно, идеалом, а виновником во всех грехах считает представителя другого пола. При такой установке не может быть и речи о дружбе в школе, о совместной работе вне школы, о том, чтобы власть в школе разделялась представителями обоих полов одинаково. Лозунг, который при такой установке выдвигается—это: раздельное воспитание—если не отдельные школы, то по крайней мере отдельные парты.

Вторая позиция—это *враждующие поневоле*. Придерживающиеся этой позиции избегают возможности сплетен и насмешек и, не желая наживать неприятностей предпочитают держаться раздельно.

Третья позиция—*беспринципно-обывательская*. Обывателю чужды всякие принципы и он стоит «и за то и за другое», «и нашим и вашим», смотря по тому, как выгодней и удобней. Стоящие на такой позиции ребята не защищают раз навсегда какую-нибудь определенную позицию, а решают вопрос условно в зависимости от обстоятельств.

Следующая установка — *аполитично-дружеская*. Сторонники этой позиции не видят разницы между мальчиками и девочками, и те и другие—люди, и интересы у них общие. Они против всякой вражды и признают одинаковые права для обеих сторон. Они больше всего жаждут мира, спокойствия и налаженности школьной работы, для чего необходимо, по их мнению, положить конец всяким раздорам и распрям между мальчиками и девочками. Все дети одинаковы и должны жить между собой дружно и хорошо.

Следующая установка — *классово-принципиальная*. Сторонники этой позиции подходят к вопросу взаимоотношений между полами с политической точки зрения, вскрывая социальную сущность полового антагонизма, осуждая его; они исходят не из либеральных стремлений жить дружно, а из того политического соображения, что половой антагонизм тормозит социалистическое строительство, что тот, кто сеет антагонизм между мальчиками и девочками, пытается подменить классовый антагонизм половым. Это классовый подход к интересующей нас проблеме, при котором половой антагонизм выступает как социальное зло, с которым должны бороться все трудящиеся. Эта позиция—последовательно коммунистическая; ее нужно воспитывать в наших детях.

Удельный вес каждой из указанных установок среди обследованных по всем коллизиям следующий:

1-я установка—9%, 2-я—8,4%, 3-я—15,6%, 4-я—49,8% и 5-я—10,2%.

Если объединить все три первые установки как отрицательные, то мы получим 33%. Итак, одна треть опрошенных нами детей обнаруживает в отношении изучаемого вопроса явно искривленную идеологию. Из других двух третей вполне выдержанный классовый подход обнаружили лишь 10,2%. Если еще принять во внимание, что в жизни, на деле бывает часто хуже, чем на словах, то мы должны прийти к выводу, что на данном участке идеологии наших детей весьма неблагополучно. Если взять данные по отдельным коллизиям, то мы имеем такое положение, что, например, по коллизии о совместной работе на дому % первых 3-х установок составляет 44,8. Беспечность поэтому не может иметь места. Если взять данные по отдельным средам нами обследованным, то мы видим, что особенно резко по отрицательным ответам выделяется центральная городская школа Хамовнического района. Следует отметить, как особенно отрадное явление, то обстоятельство, что среди пионеров % положительных ответов значительно больше, чем среди не пионеров. На пионеров падает по всем коллизиям 3,8% 1-й и 16% 5-й установки, на непионеров—10% 1-й и 9,1% 5-й установки. Таким образом положительное влияние пионерской организации налицо.

Выводы, которые позволяет сделать наше исследование, можно бы кратко выразить следующим образом:

1) Хотя подавляющее большинство наших детей не видит оснований для особого антагонизма между мальчиками и девочками, предстоит еще много работы над оформлением подлинно-коммунистического сознания у детей по вопросу о взаимоотношениях между полами.

2) Необходимо систематически и планомерно из года в год изучать сдвиги, которые происходят в этой области. Важно следить не только за тем, как постепенно уменьшается удельный вес явно антагонистических и обывательских настроений, но и за тем, что происходит с основным массивом—товарищески настроенной массой, как постепенно все четче и определеннее оформляется ее сознание в направлении коммунистически выдержанной, классовой позиции.

3) Надо в большей мере, чем это делается до сих пор, опереться в деле совместного воспитания на опыт пионер-организации, дающей более положительную картину, чем школа. Так, надо шире организовать в школе звеньевой

принцип организации занятий, а главное, нужно по примеру пионер-организации еще сильнее развить общественную работу детей.

4) Метод коллизии, который нами впервые применен в данной области, оказывается плодотворным; он требует в дальнейшем проработки в целях максимального приспособления его к решению тех задач, которые мы перед собой поставили.

И Р Е Н И Я

Симсон (*Психиатрическая клиника 2 МГУ*).—Я хочу высказаться по докладу т. Цейтлина. Я возражаю против приведенных им объективных методов: в докладе много неясностей, на что следует обратить внимание.

Докладчик предлагает установку на анализ детской фантазии. Этот анализ проводится им таким образом, что детям дается тема: описать самый интересный случай в их жизни. Непонятно, почему воспоминание интересного события в жизни ребенка и его фантазия в связи с событием должна отразить степень его сексуальности. Может быть, у докладчика есть более подробное обоснование этого метода; из доклада этого не было видно.

По вопросу об обследовании детской сексуальности по методу Юнга, путем отдельных индивидуальных слов-раздражителей, должна сказать, что практика работы с детьми не дает указания на то, что слова-раздражители носят индивидуальный характер. Поэтому я возражаю против метода введения индивидуальных раздражителей при изучении сексуальности.

Что касается метода музыкальных отрывков, которые давались детям, то при этом опыте нужно было обязательно учесть способности отдельных детей к восприятию музыкальных звуков. Наконец, я хотела остановиться на возражениях докладчика против того, что сексуальность определяется конституцией. К концу доклада тов. Цейтлин указывает, что у детей шизоидных сексуальность мало дифференцирована и мало выражена. Таким образом он противоречит сам себе; раз он отличает у различных конституциональных групп качественное и количественное изменения сексуальности, он, повидимому, допускает, что сексуальность в известной степени может определяться конституцией.

Терещенко (*Башкирская республика*).—Доклад тов. Ривеса дал весьма интересные и ценные данные. Последние данные о четвертой и пятой группе заставляют задуматься. Разрешите мне предложить по обработке этого материала другой вариант трактовки. Тов. Ривес указывает, что 49% ребят идеологически аполитичны и только 10—11% имеют правильную идеологическую установку. Представим себе, что у нас в каком-нибудь детском учреждении педпроцессы были настолько правильно организованы, что половой вопрос не стоял бы остро, что его не существовало бы для детей. В таком случае не будет предпосылки для приведенных ответов, не будет коллизий. Тогда для детей вопрос будет стоять иначе: все равны—о чем там и говорить. Мне кажется, что следовало бы, взяв эту мысль как руководящую, рассмотреть имеющийся материал. Может быть, эти 49% аполитичных ответов получены в таких школах, где вопрос полового антагонизма мало выражен. Этот вопрос весьма интересен. Я не утверждаю, что это так, но считаю необходимым спросить, можно ли проверить эту мысль по материалу?

Корганов (*Ростов н/Дону*).—В докладе т. Цейтлина слабое место в вопросе о том, что надо считать сексуальностью. Вчера мы по этому пункту в известной степени разошлись. Сегодня мы поднимаем вопрос об исследовании сексуальности, не давая прямого ответа, что же надо считать сексуальностью и какие проявления у детей надо считать сексуальными. Вчера уже говорили, что мы часто приписываем сексуальности то, что вовсе не является сексуальным, а является простым проявлением общих интересов детей; докладчик эти моменты недостаточно ясно и хорошо определил.

Что касается методики, то докладчик в качестве метода предложил метод объективного наблюдения. Спрашивается, всегда ли способ дифференцированного эксперимента может дать то, что думает экспериментатор получить? Не всегда сексуальность может проявиться по определенным раздражителям, иногда она может проявиться по совершенно иному основанию, так что здесь могут иметь место ошибки.

По вопросу об эмоциональной реакции докладчик не внес достаточной методической ясности в вопрос о том, как проводилось исследование. Может быть, регистрировались только те эмоциональные реакции, которые получались от определенного слова-раздражителя.

В докладе г. Ривеса ценно то, что он ставит правильно вопрос о месте сексуальной педагогики; я вполне согласен с ним, что без решения вопроса об оформлении идеологии ребенка нельзя правильно руководить сексуальным воспитанием. Докладчик применяет правильную методику изучения, широко ставя этот интересный вопрос. Сомнительно лишь то, насколько высказывание детей является действительной идеологией. Под идеологией надо понимать сумму определенных представлений, которая отражает общую установку ребенка и в то же время хорошо эмоционально подкреплена. Если же это есть только повторение, как эхо, того, что ребенок слышит от окружающих, это не является идеологией.

В этом слабая сторона методики, на которую нужно обратить внимание.

Методика должна быть проверена и на взрослом материале.

Баткис (*Гос. ин-т соц. гигиены, Москва*).—Позвольте сделать несколько замечаний в развитие мысли, высказанной предшествующим оратором. Мы в своем стремлении исправить анкетный метод неоднократно предупреждали исследователей о необходимости обследования только действительных фактов и событий. Можно ли на субъективных высказываниях идеалов строить детальное представление о направлении поведения данного индивидуума. В высказываниях есть налицо несомненно социальная мимикрия; я бы хотел, чтобы при оценке высказываний детей, особенно в положительной группе, исследователь учел этот момент. Тут есть кое-что, что является в данный момент модным. Может быть, более начитанные школьники, которые кое-что слышали о равноправии полов, приносят слышанное в свои суждения; не являются ли эти суждения в ряде случаев социальной мимикрией? Под чистым галстуком может оказаться грязная шея. Тов. Ривес сделал правильное указание об отношении педагогов к настороженности в половом вопросе со стороны девочек, а иногда и мальчиков. Мы часто слышим: «Мы пытались у себя в школе поставить ту или иную беседу, но группа наотрез отказалась слушать, говоря что ей стыдно», или: «Большая часть девочек ушла, говоря, что им стыдно». Очень часто трактуют это как показатель благополучия в школе. Мы склонны думать, что эта оборонительная реакция показатель неблагополучия. Эта женская пассивность, навязанная средой и семьей, квалифицировать

себя пассивным членом коллектива является отрицательным моментом в воспитании. Последнее замечание. Уже года три-четыре как мы привлекали педагогов и врачей к исследованию детского коллектива, так как чрезвычайно важно накапливать материал в этой области. Институт соц. гигиены ведет работу в области изучения сексуальных проявлений в детском коллективе и реакции педагогов. Мы призываем товарищей, интересующихся этим вопросом, связаться с нами. Мы окажем большую услугу и пользу делу сексуальной педагогики, если будем накапливать материал. Институт примет на себя с готовностью инструктирование и руководство.

Веселовская (*Ин-т научной педагогики, Москва*).—Несколько слов о методах исследования проявлений сексуальности. Мы со студентами в порядке семинарской работы ведем борьбу за то, чтобы к записям подходить чрезвычайно осторожно, чтобы избежать грубой ошибки, когда всякое естественное движение ребенка трактуется как сексуальное. Мы думали, что в настоящее время эта опасность уже устранена, между тем оказывается, что имеют еще место случаи, когда по методу систематического наблюдения ряд естественных моторных движений склонны толковать как сексуальные. Укажу на то, что Шарлотта Мюллер вела много лет дневник по методу систематического наблюдения о половом развитии одних и тех же детей; когда она докладывала о своих работах, то встретила много возражений против этого метода. Конечно, этим методом можно получить самые неожиданные результаты, что даст возможность наклеивать те ярлыки, о которых вчера упоминалось.

Раскин (*Ин-т методов школьной работы, Москва*).—Несколько замечаний по вопросу об изучении детской сексуальности не в отношении отдельных детей, а в отношении детских коллективов. Должен сказать, что в Институте методов школьной работы мы проводили ряд исследований, которые достаточно ярко показали, что нет однородных детских коллективов. У нас было пять групп, которые мы обследовали рядом методов. Эти группы были разделены по принципу указанных здесь пяти установок. К первым двум установкам относится около 18%, к последней—принципиальной коммунистической—10,2%; эти два полюса находятся в перманентной борьбе, что проявляется ярко в детских диспутах, на которых я хотел бы остановиться.

Вопрос об организации, о предварительной подготовке диспутов является чрезвычайно важным моментом в деле методики изучения детского коллектива. Я бы хотел сделать несколько замечаний о том, как сами дети в их органах самоуправления относятся к нездоровым явлениям в их среде. Материалы последнего года дают нам ряд чрезвычайно неблагоприятных сведений о той реакции на нездоровые явления в детской среде, которая выявилась со стороны органов детского самоуправления. Прежде всего ребята сбиваются в вопросах воспитательной работы на путь администрирования, на путь установления системы наказаний, на путь применения репрессий. Мне известен ряд таких случаев, имевших место в этом году. В одной школе была найдена записка, написанная девочкой к мальчику, следующего содержания: «Мы с тобой встретимся в 8 часов на катке». Ребята заявили, что нужно расследовать дело, выяснить социальное лицо девочки и т. д. В провинциальной школе ученик написал ученице на линейке неприличное слово, другой ученик стер его. Школьный совет настаивал на том, чтобы оба ученика были исключены; интересно, что сами ребята поддерживали исключение. Мы должны решительным образом поставить вопрос о том, чтобы при установлении нормальных взаимоотношений между детьми не допускать администрирования, которое сейчас имеет место. Два слова относительно дальнейших работ Института. То, о чем доложил тов. Ривес, является началом работы. Мы выясняем идеологическую направленность; в коллизиях нам поставили еще вопрос об интимных переживаниях детей. Для исследования предполагается взять не только 7-ю, но и 8-ю и 9-ю группы. Наконец, мы в круг своих ближайших работ включаем работы по изучению детского поведения. Высказывания, несомненно, могут расходиться с поведением. В этом смысле у нас поставлен вопрос об изучении однополюх и двухполюх коллективов, причем последние будут взяты в различной пропорции и различных вариантах. Далее мы выдвигаем вопрос, чтобы всю проблему с помощью этого метода поставить у нацменьшинств.

З А К Л Ю Ч И Т Е Л Ь Н О Е С Л О В О

Ривес.—Прежде всего по поводу выступления т. Терещенко. Мы обследовали школы Трехгорки, где одинаково неблагоприятно. Что касается даже школ деревенских, то имеются данные, что и там нет особого благополучия. Поэтому счи-

тать установку дружески аполитичную — показателем какого-то благополучия нельзя.

В ответ тов. Корганову я должен сказать, что предлагаемый мной метод не может и не должен быть единственным; он должен сочетаться с другими методами. Мы пользуемся им на диспутах, на которых выясняется, как дети борются за свои взгляды; но и этого недостаточно; нужно еще этот метод сочетать с другими. Мы в последнее время стали пользоваться анонимными ответами на вопросы, опускаемыми в ящик. В этой школе, где среда нам известна, мы получаем таким образом дополнительно интимный материал и достигается проверка того, насколько скрытые процессы получают отражение в нашем методе. Мы думаем в дальнейшем пользоваться диспутами по художественным произведениям, затрагивающим данные вопросы. Таким образом используется целая система методов. Замечание о том, что нужно изучить родителей той же школы, правильно, — мы так и делаем. Скоро выходит моя работа по религиозности и антирелигиозности в школе; там имеются высказывания родителей тех же детей и оказывается, что не всегда родители хуже детей, так что вопрос относительно отцов и детей мы также дифференцируем. Вопрос о мимикрии, на которую указывал т. Баткис, чрезвычайно важный. Как можно, однако, по словесным раздражителям судить о мимикрии? Даже по диспутам нельзя о ней судить; нашим методом ее установить трудно. Нужно все же отметить, что дети приспособляются в единичных случаях. По поводу оборонительной реакции я хотел бы привести одну интересную иллюстрацию. В детском городке в Одессе, которым мне пришлось заведывать в 1920—21 г., мы провели интересный опыт. Мы создали детский дом, где дети воспитывались совместно; рядом были детдома отдельные для обоих полов. Из дома, где живут мальчики и девочки вместе, на собрание идут очень охотно все; мальчики из своего дома тоже приходят, девочек никак не выгнать: «мальчики засмеют, заругают» и т. д. У нас был огород, где был организован детский караул. После 12 час. ночи оставалась только одна караульная команда. И конечно после 12 ч. начинают появляться парочки. Эти парочки комплектовались, оказывается, из мальчиков дома для мальчиков и девочек другого дома, так что те девочки, которые днем не хотели выйти на собрание, находили возможным после 12 час. ночи выходить к мальчикам. Вот вам яркий пример оборонительной реакции. Такая оборонительность признак неблагополучия; с ней надо бороться.

Цейтлин.—Недостаток моего доклада в том, что за краткостью времени мне не удалось более подробно обосновать выдвинутый вопрос. В частности относительно объективности методов исследования. Если стать на путь абсолютного объективизма, то нужно будет отказаться от изучения сексуальности, так как нельзя установить, что такое сексуальность, не имея возможности выразить ее в какой-либо математической величине. Наши исследования суть пути исканий, которые требуют дальнейшего продолжения и углубления. Поскольку метод фантазии дает определенные результаты, совпадающие с данными анализа реакции, мы предполагали, что и этот метод можно ввести для изучения сексуальных проявлений.

Что касается вопроса об индифферентных словах-раздражителях, то мы имели ряд случаев, когда с одним каким-либо словом ассоциировались определенные представления. Так на слово «красить»—дети отвечали «красить губы», на слово «любить» отвечали «обнимать, целовать». На другие слова—получались ответы самого разнообразного характера, причем наблюдения ничего не выявили в смысле проявления сексуальности. На некоторые слова—получалась некоторая задержка в ответе, некоторое смущение; тут мы предполагали, что в понятии, заключающемся в данном слове, дети достаточно осведомлены, а всякая осведомленность связана с некоторым опытом. Раз есть опыт в области сексуальности, либо опыт наблюдения, либо опыт непосредственного участия,—значит есть элемент сексуальности. В музыкальных экспериментах мы получали различную реакцию: дети с музыкальным воспитанием давали богатую фантазию в смысле описания музыкальных отрывков, а дети, не имеющие музыкального воспитания, давали более слабую реакцию. Было дано детям три музыкальных отрывка, различных по темпу и композиции. Ребята, которые редко или никогда музыку не слыхали, никакой реакции не давали. В тезисах мы отметили, что максимальную реакцию мы получили от ограниченных ассоциаций; свободные же ассоциации таких результатов не дали. Теперь в отношении конституции—тут никаких аналогий с учением Фрейда проводить нельзя. Когда мы говорим о сексуальной конституции по Фрейду, мы говорим о некоторой обособленной конституции; другое—конституция как некоторое отражение общей социальной сущности данного субъекта. Если мы в морфологической конституции находим определенные черты, это не значит, что мы ею определяем эти черты. Точно так же

и в отношении поведения мы можем искать соответствующего отражения его в морфологической конституции. Перехожу к вопросу о методах: эмоции мы определяли не только ассоциативным экспериментом, но и другими методами. Ассоциативный эксперимент, хотя и отражает эмоции, но недостаточно их выявляет; поэтому мы взяли метод определений. Мы давали три вопроса: «что я называю красивым, кто мой любимый герой, и что мне больше всего понравилось в кино и театре». Наибольшее число ответов получил второй вопрос.

При определении сексуальности у ребенка мы фиксировали все стороны его поведения, описывая подробно социальное окружение ребенка, имея подробные данные о его заболеваемости, физическом развитии, об его реакциях в различное время. Были три наблюдателя, которые вели эту запись и коллективно решали вопрос, в какой степени проявляется у данного ребенка сексуальность. Выбор сюжета при воспоминаниях характеризует того или другого субъекта. Не случайно, что ребята, которые прожили большое время в Крыму, останавливались на этом переживании; некоторые относили свои воспоминания к отдаленнейшим временам, один мальчик написал фантастическую картину своего детства, чего в действительности не было. Если в прошлом был опыт в области сексуального, то это в известной степени сказалось.

Имеется вопрос о том, какие слова считать безразличными. Безразличные слова указать трудно; однако, если на фоне всех взятых слов есть резкая реакция на отдельные слова, то это позволяет сделать определенный вывод.

В заключении хочу еще раз указать, что за краткостью времени невозможно было дать обоснование принципов методики и в тоже время подробно описать ее. Оппоненты не убедили меня в том, что изысканий в этом направлении не нужно продолжать. Наш опыт еще не закончен; мы будем продолжать его и, может быть, найдем пути более совершенной оценки результатов, в условиях изучения большей массы детей; это облегчит нашу задачу в смысле как изысканий, так и намечения правильных мероприятий в области полового воспитания.

А. Е. БРУСИЛОВСКИЙ

ДОСТОВЕРНОСТЬ ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В нашей и иностранной судебной практике довольно часто встречаются дела, по которым объектами сексуального посягательства являются дети и подростки. Пора подвести итоги накопившемуся довольно большому экспериментально-психологическому и казуистическому материалу.

Дела эти можно разбить на три категории по характеру тех лиц, которые стали жертвами половых преступлений.

Первую группу образуют дети и подростки, которые, в силу еще неизжитых жилищных и некоторых других ненормальных бытовых условий, остаются без достаточного надзора. Правонарушитель в этом случае обыкновенно принадлежит к числу обитателей той же комнаты, квартиры, дома, двора и проч.

Вторая группа детей подвергается сексуальным посягательствам со стороны совершенно случайных людей, которых они раньше не знали и никогда не видели.

По этим делам на первый план выдвигается одна из основных проблем судебной психологии, мало разработанная и чрезвычайно сложная,—проблема опознания.

«Опознание преступника детьми создает дальнейшие психологические трудности. Ставшее жертвой дитя видело преступника один единственный раз, быть может, короткое время и в таком состоянии страха и волнения, которое исключает всякое спокойное наблюдение. Когда такому ребенку устраивают очную ставку с подозреваемым,—особенно, когда ему для опознания предъявляют одно лицо, а не ряд лиц,—все опасности ошибки налицо,—и дитя может совершенно добросовестно указать на невиновного человека, как на совершившего данное деяние»...

«Такие случаи ошибочного опознания гораздо чаще, чем думают» (В. Штерн).¹

В недавно вышедшем исследовании известный криминалист А. Гельвиг, давая разбор исключительно интересного и сложного судебного казуса, приходит к выводу, что даже опознания со стороны взрослых таят в себе опасности непоправимых судебных ошибок, если в точности не соблюдаются мероприятия, намеченные новейшей судебно-психологической наукой. (А. Гельвиг. Техника предъявления при установлении тождества предъявляемого лица).

Третью группу образуют дела, по которым привлекаются к ответственности по обвинению в сексуальных посягательствах на целомудрие малолетних и несовершеннолетних педагоги и школьные врачи.

Этим делам за последнее время посвящены специальные монографии, и на этих делах нам следует остановиться несколько подробнее.

Правда, условия педагогической и школьной работы на Западе иные, чем у нас, и многие выводы, делаемые в иностранной литературе, неприменимы к нашим условиям. Однако некоторые общие черты между указанными делами у нас и на Западе имеются.

Для педагога и школьного врача нет более тяжкого обвинения, чем посягательство на половое целомудрие детей и подростков, вверенных его попечению. К тому же судебная практика учит нас, что подавляющее большинство таких обвинений оказывается ложными. Вот почему знакомство с этими делами особенно важно для педагогов и школьных врачей, важно, чтобы они знали, как организовать свое поведение и как подходить к тому детскому и юношескому материалу, с которым они приходят в соприкосновение.

На Западе одно время заговорили, что такие обвинения в половых посягательствах на целомудрие детей и подростков являются чуть ли не «профессиональной опасностью», связанной с педагогической деятельностью. Практика наших судов не дает оснований бить тревогу,—у нас эти дела хотя и возникают время от времени, но не так часто, как на Западе.

Что было сделано на Западе, чтобы выяснить, где лежат причины неосновательных обвинений против педагогов и школьных врачей? Прусское министерство просвещения издало сборник, в котором подробно разработаны В. Гофма-

¹ W. Stern. Jugendliche Zeugen in Sittlichkeitsprozessen. 1926.

ном и В. Штерном 552 случая дисциплинарных производств, касающихся проступков педагогов в интересующей нас области. Случаи эти имели место за период 1921—1925 годов. Попутно было предпринято сексуальное обследование различных школьных коллективов. Другой сборник был издан обществом германских учителей и включает в себе анализ 154 случаев за 1920—1928 годы.

Каковы же результаты проделанной работы? Сборники отмечают, что педагоги незнакомы с элементарными основами сексуальной психологии. Отсюда—частые случаи педагогически-бестактного поведения, подчас невинного и во всяком случае непроступного, однако чреватого неожиданными и неприятными последствиями. Сами педагоги часто не отдают себе отчета в неправильности своих поступков. Они не знают, что недопустимое поддразнивание, шутки, нежности, те или иные прикосновения, встречи наедине в школе и вне школы, особенно с ученицами, и целый ряд других действий, вовсе сексуально не окрашенных и предпринятых без всякого злого умысла, приобретают в глазах их воспитанников и воспитанниц совершенно другой характер и дают начало нежелательным кривотолкам, которые затем в силу законов массовой психологии вырастают в грозное уголовное обвинение.

Сборники отмечают—и это типично для Запада—нередкую разобщенность между учителями и школьным коллективом, проистекающую из буржуазной системы воспитания, с одной стороны, из перегруженности класса учениками, с другой. Учителя бывают поражены, что неосновательные, а часто прямо лживые обвинения исходят именно от тех учеников или учениц, которых сами педагоги считали чуть ли не образцовыми. На суде перед педагогами раскрывается ряд сторон из интимной жизни их воспитанников и воспитанниц, которые приводят их в изумление своей полной новизной.

Сборники подчеркивают необходимость сексуального изучения школьных коллективов как в интересах сексуальной педагогики, так и в интересах судебно-психологической профилактики, чтобы педагоги видели, где нужна подчеркнутая осторожность и осмотрительность в их поведении.

Произведенные обследования показали, что школьные коллективы гораздо больше просвещены в сексуальном отношении, чем это предполагала семья и школа, и что это просвещение, конечно, шло из ненадлежащего источника. Вообще статистические сводки дали неожиданную картину,

при всей трудности исследования в указанной области и при всей теоретической оспоримости и неразработанности примененной методики.

Сборники обнаружили, что не только педагоги, но и особенно судебные работники не учитывают законов массовой психологии, играющих такую большую роль в сексуальных процессах, по которым подсудимыми являются педагоги.

Детские и юношеские показания еще в большей степени, чем показания взрослых, нельзя брать в отрыве от той «атмосферы», которая сгущается вокруг каждого дела и выплавляет свидетельское поведение.

Блестящий анализ «ситуационного» характера свидетельского поведения, атмосферы, в которой родилось и оформилось показание, дает нам *П. Плаут* в двух своих последних работах, из которых одна специально посвящена изучению дел, по которым обвиняемыми были лица педагогического персонала. Я имею в виду: «Свидетельские показания и окружающая среда по делам о половых преступлениях» и «Замечания по поводу процесса Гусмана».

Наш личный опыт учит нас, что если обвинения против педагога на суде подтверждаются, то в этих случаях жертвами посягательства являются не дети или подростки, вверенные его попечению, а совершенно ему незнакомые, посторонние. В одном случае педагог в вагоне случайно на верхней полке оказался рядом с 11-летней девочкой—и девочка эта оказалась жертвой посягательства. В другом случае педагог стал посещать двор одного из населенных домов и наметил в качестве своих жертв двух девочек. Оба процесса кончились обвинительными приговорами.

Таким образом мы видим, какие сложные проблемы узлом свиваются вокруг вопроса о достоверности детских и юношеских показаний. Однако трудности, связанные с допросом детей и подростков, не должны приводить к дешевому скептицизму, потому что отвергнуть совсем показания малолетних и несовершеннолетних—значит дать патент на безнаказанность одной из самых социально-опасных групп правонарушителей, избирающих своими жертвами детей и подростков, притом в обстановке, когда взрослых свидетелей может не оказаться.

Наш опыт показывает нам, что часто детские и юношеские показания отличаются большой достоверностью и подтверждаются другими бесспорными данными по делу.

Судебная психология должна нам указать методы, пользуясь которыми, мы могли бы получить максимально достоверные сведения при опросе детей и подростков. Очертить эти методы—одна из задач доклада.

Однако одновременно вырастает необходимость принять меры к тому, чтобы охранить интересы самих малолетних и несовершеннолетних. Сексуальное посягательство, жертвой которого они стали, наносит им неизбежно психические травмы различной тяжести. Нужно помочь ребенку или подростку возможно скорее и безболезненнее изжить эти душевные ранения.

С этим требованием вступает в непримиримое на первый взгляд противоречие не менее законное желание следственных и судебных органов как можно подробнее осветить картину происшествя в интересах изобличения виновных.

Как мы постараемся доказать, противоречие это только кажущееся. *Правильно поставленная техника допроса малолетних и несовершеннолетних, основанная на современных научных выводах судебной психологии, стремится разрешить именно одновременно обе поставленные задачи: добиться максимальной достоверности свидетельского показания и максимальной охраны психики ребенка от вредных последствий нанесенного ему психического ранения.*

Судебная психология путем эксперимента и наблюдения показала, что наиболее достоверными являются первые показания детей и подростков, но только в том случае, если эти показания получены при участии сведующих лиц: педологов, психологов, психиатров, социологов и проч. Лица эти должны быть специально знакомы с сексуальной психологией и с основными проблемами детского и юношеского свидетельского поведения.

Сейчас судебно-следственные органы у нас в силу установившейся практики, а на Украине в силу закона (ст. 162 УПК УССР) начали обращаться с первым же шагом следствия к услугам таких сведущих лиц.

Однако нередки случаи и у нас и на Западе, когда следственно-судебные органы незнакомы с основными проблемами свидетельского поведения малолетних и несовершеннолетних и сами допрашивают детей и подростков, не прибегая к помощи сведущих лиц и обращаясь с юными свидетелями так, как если бы перед ними находился взрослый человек. Тогда возникают, с одной стороны, типичные и непоправимые ошибки, с другой—наносится тяжкий вред психике самих юных свидетелей. Сексуальная педагогика

в интересах изживания психических травм требует, чтобы внимание детей и подростков как можно меньше фиксировалось на происшествии и чтобы память детей не «взнуздывалась» постоянным возвратом к событию, о котором они должны как можно скорее забыть. Судебная психология в свою очередь требует, чтобы дети и подростки были допрошены по возможности один единственный раз, но непременно через посредство соответствующих сведущих лиц. Оба эти правила грубо нарушаются, если следователи или судьи незнакомы с особенностями свидетельского поведения малолетних и несовершеннолетних.

Получается в этих случаях такая картина: все дело состоит из уличающих показаний детей и подростков, не подкрепленных никаким другим материалом. Детей допрашивают множество раз: взволнованные родители, нередко прибегающие к угрозам и даже побоям, органы розыска и милиции, следователи и, наконец, судьи. Иногда дело идет показательным процессом. Дети и подростки часами ждут в свидетельской комнате своей очереди. Допрашивают их в переполненном зале, в присутствии родителей и правонарушителя, которого они нередко боятся. После допроса дети и подростки остаются тут же в зале заседания и ждут вместе со своими родителями приговора. Вот почему справедливо подчеркивали съезды германских учителей, что часто вред от всей этой процедуры больший, чем от самого преступного деяния, жертвой которого стали малолетние и несовершеннолетние.

Таким образом привлечение сведущих лиц с первых же шагов следствия—основное условие для того, чтобы получить доброкачественный судебный материал, с одной стороны, и оградить интересы самих детей и подростков—с другой.

Другим, не менее важным условием правильного разрешения дела является требование, обращенное уже к следственным органам и состоящее в том, чтобы всемерно добиваться объективной проверки детских и юношеских показаний другими данными. Допросом малолетних и несовершеннолетних не должно заканчиваться, а только начинаться дело. Нужно собрать по возможности исчерпывающие сведения, касающиеся личности обвиняемого, его образа жизни, обстановки предполагаемого преступления, личности потерпевшего ребенка или подростка, окружающей его среды, заинтересованности взрослых в его показаниях, всей «атмосферы», в которой возникло дело и вообще всех обстоятельств,

упоминаемых в показаниях юного свидетеля, которые могут быть проверены.

Мы можем дать здесь только самую краткую сводку основных проблем свидетельского поведения малолетних и несовершеннолетних. Мы говорим «поведения», а не показаний, потому что оценке и изучению подлежат не только словесная форма высказывания, чрезвычайно важная сама по себе, но и моторика и эмоциональные реакции. Свидетельское поведение детей и подростков необходимо брать во всей его целостности и динамике, с учетом классовой их принадлежности, бытовой, семейной и школьной обстановки, в которой разыгралось происшествие, привычных условий, в которых протекает их развитие (дети города и деревни), а также индивидуальных особенностей каждого обследуемого ребенка. Словом, судебная экспертиза должна быть—и не может не быть—не только психологической, но непременно социолого-психологической.

Таким образом новейшее движение по психологии свидетельского поведения, продолжая работы возникшей полстолетия назад классической школы судебной психологии, ставит себе цель заменить судейский «импрессионизм» и «интуитивизм» при оценке достоверности свидетельских показаний экспериментально проверенными положениями и правилами. Проводниками этой замены в интересующей нас области должны явиться главным образом сведущие лица, причем желательно, чтобы и судебно-следственные органы были знакомы с основами судебной психологии.

Эксперимент и наблюдение показали, что детские и юношеские свидетельские показания—уже в силу одних психофизических особенностей их носителей (в частности важное значение имеет период полового созревания)—требуют иного подхода к ним и иной их разработки, чем показания взрослых.

Необходимость выделить малолетних и несовершеннолетних в особую группу признана в законе только в тех случаях, где эти лица выступают в качестве правонарушителей. Для них создана и особая следственно-судебная техника расследования преступлений и особый подход при выборе мер социальной защиты или медико-педагогического воздействия.

Только в самое последнее время созрела мысль, что дети и подростки должны быть выделены в особую группу и тогда, когда идет речь о достоверности их свидетельского поведения. Мысль эта постепенно прокладывает себе путь

и в законодательство (Саксония, Пруссия, Бавария, Гамбург, Украина).

При этом возрастные грани должны определяться не механически, паспортно-календарным способом, а на основе всестороннего обследования данного конкретного ребенка или подростка (тесты, анкеты, опросы и проч.). Не даром один исследователь (Линдзей) говорит, что у девочек три возраста: один устанавливается метрикой, другой—интеллектуальным уровнем, третий—физическим развитием. То же самое применимо и к мальчикам.

Юными свидетелями признаются лица от 6—7-летнего возраста и до 14—16—18 лет. До 6—7-летнего возраста дети—только «розыскно-информационный» материал, который до известной степени все же может быть использован при участии сведущих лиц.

Судебный деятель должен прежде всего знать роль «истории свидетельского показания», как источника крайне вредной и опасной его деформации. Обыкновенно до суда докатывается только последнее звено длинной цепи, в своей совокупности образующей историю показаний.

Под историей показания мы разумеем изменение его за период от момента происшествия до момента последнего допроса. Ведь дела о сексуальных посягательствах часто раскрываются совершенно случайно. Так, недавно в суде разбирался такой случай: домашняя работница раздевала девочку и нечаянно к ней как-то особенно прикоснулась. Девочка засмеялась и сказала: «Оставь! Ты как дядя Миша». Дядя Миша был их соседом по комнате. Домашняя работница стала расспрашивать девочку и тут-то неожиданно выяснилось, что дядя Миша совершал в отношении девочки развратные действия. Этот промежуток времени бывает иногда чрезвычайно велик. Нам известен случай, когда дело возникло через четыре года после происшествия.

За этот промежуток показание подвергается существенным изменениям.

Если этот промежуток носит как бы характер «инкубационного периода», т.-е. если за это время ребенок или подросток не были допрошены, то причины изменения показания внутреннего характера. По делам о половых преступлениях эти изменения особенно существенны тогда, когда в указанный промежуток времени происходит половое созревание свидетеля.

Другие изменения показаний свидетелей нашей группы связаны с причинами внешнего характера.

Этих причин много. Остановимся на двух: 1) подверженность этой группы внушениям и 2) вред от повторных допросов.

Обращаясь к внутренним причинам изменения свидетельских показаний, мы должны прежде всего подчеркнуть явление «последующего сексуализирования или эротизирования» переживаний и впечатлений. Явление это в первую очередь должны знать педагоги и школьные врачи. Оно сводится к тому, что по прошествии более или менее большого промежутка времени, в течение которого шло бурно половое созревание, невинные прикосновения и другие действия приобретают ярко выраженную привнесенную сексуальную окраску, создающую часто совершенно ошибочную уверенность самого свидетеля, что он будто бы в прошлом стал объектом сексуального преступления. К этому присоединяется на почве особой отгороженности и глубоко неверного представления о сущности половых отношений своеобразная игра фантазии, в корне изменяющая действительный характер происшествия.

«С феноменом последующего эротизирования приходится особенно считаться там, где на почве появившихся слухов о подобном поведении учителя его малолетние ученики об этом ведут разговоры, и их расспрашивают взволнованные родители, затем школьный совет, органы дознания и следствия. Тогда ученики и ученицы начинают внезапно «припоминать»: ведь точно то же он проделывал и со мною, и дело доходит до настоящего процесса-монстр, в котором выступает целая фаланга таких юных свидетелей, утверждающих более или менее согласно, что они стали объектами определенного посягательства со стороны учителя. В таких случаях на судебном следствии уже невозможно установить, что в этих показаниях является правдивой передачей подлинных событий и что результатом последующего эротизирования, влияния массовой суггестии и неумелого выпрашивания со стороны разных призванных к тому и непризванных лиц; вот почему в этих случаях особенно остро чувствуется выставляемое нами требование, чтобы уже при первых шагах следствия, когда еще не сказались все указанные затуманивающие факторы, в допросе участвовал в качестве эксперта психолог» (В. Штерн).

Из внешних причин остановимся прежде всего на вопросе о суггестии (внушении).

Явления детской и юношеской внушаемости требуют дальнейшей проработки. Однако на основании накопленного материала различают следующие формы и виды внушения:

На стороне внушающего: 1) внушение от формы самих вопросов, 2) внушение различных подробностей на фоне раз сделанного допущения, 3) внушения, идущие от авторитетности в глазах свидетеля самой личности допрашивающего, 4) внушения, связанные с местом и обстановкой допроса.

На стороне пассивного субъекта внушения (самого юного свидетеля): 1) зависимость внушаемости от возраста, 2) от стадии развития, 3) от пола и 4) от индивидуальных особенностей.

Вред передопросов связан с тем, что показание либо 1) застывает, обращается в стереотип, становится безжизненным (припоминание не самого события, а собственных прежних показаний иногда в тех же выражениях), либо 2) расцветается, обогащается новыми и притом несуществующими (обыкновенно бессознательно внушенными извне) деталями.

В. Штерн и Ж. Варендонк создали специальный метод, наглядно обнаруживающий явление расцветивания показаний и его (внешние, зависящие от лиц допрашивающих и от атмосферы процесса) причины. Метод этот состоит в том, что все показания свидетеля, сколько бы их ни было, располагаются одно за другим в вертикальных колоннах, — и тогда сразу видна картина их постепенного обогащения деталями. Метод Штерна — аналитический. Он расчленяет все показание на однородные элементы. Метод Варендонка — синтетический. Он дает каждое показание во всей его целостности так, как его сформулировал допрашивающий.

Как мы видели, чрезвычайно важна и проблема массовой суггестии при оценке показаний юных свидетелей, особенно по делам педагогов и школьных врачей.

Новейшие работы (В. Штерна, Ж. Варендонка, К. Марбе, П. Плаута и др.) подчеркивают «ситуационный» характер детских и юношеских показаний и опасности, с этим связанные. Мы имеем в виду роль слухов, молвы, разговоров в семье и классе, всей «атмосферы» процесса, всей обстановки и среды, в которой живут дети при оформлении их свидетельского поведения. Анализ этой «атмосферы» при оценке свидетельского поведения — дело приглашенных сведущих лиц.

Пора переходить к итогам. Наиболее достоверными являются первые показания нашей группы свидетелей, полученные по возможности непосредственно после происшествия и непременно при участии сведущих лиц.

Передопрос детей, как правило, нежелателен. Этим достигаются две основные задачи при обработке детских и юношеских свидетельских показаний: максимальная досто-

верность, с одной стороны, максимальная охрана интересов самого юного свидетеля в целях быстрейшего изживания нанесенной ему психической травмы—с другой. При соблюдении указанных мероприятий вызов в суд юных свидетелей не нужен.

В практике наших судов были даны прекрасно разработанные, исчерпывающие социолого-психологические экспертизы показаний нашей группы свидетелей. В иностранной литературе также опубликовано большое количество таких экспертиз. Мы лишены, однако, возможности за недостатком места привести в виде иллюстрации сказанного образец судебной социолого-психологической экспертизы.

Заметим только, что лишь детальная судебно-экспертная работа может гарантировать достоверность результатов при оценке свидетельского поведения малолетних и несовершеннолетних. Желательно также знакомство судебных работников с основными проблемами судебной психологии и в частности детского и юношеского свидетельского поведения.

Желательно, чтобы Институт социальной гигиены взял на себя инициативу по созданию кадра сведующих лиц, по систематизации судебного материала и по пропаганде судебно-психологических знаний среди судебных работников в интересующей нас области.

Этим самым институт также принесет пользу делу охраны детства и юношества от вредных последствий тех сексуальных посягательств, жертвой которых они стали.

Только сосредоточив наблюдение за делами этой категории в одних руках, можно добиться того, чтобы под приговоры судов был подведен научный фундамент.

Особое внимание должно быть обращено на дела учителей и школьных врачей и на устранение причин, вызывающих неосновательные тяжелые обвинения последних в сексуальных правонарушениях.

А. С. ПЕТРОВА¹

(Ин-т по изуч. преступности и преступника)

СОЦИАЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСТАНОВКУ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ПОЛОВОГО СОЗРЕВАНИЯ

(Из материалов психологической экспертизы на суде)

Под установкой вообще мы понимаем изменение психических механизмов под влиянием предшествующих впечатлений на последующие. Установка может быть привычной

¹ Психолог Гос. института по изучению преступности и преступника и психиатрической клиники 1 МГУ.

(длительной или временной),—это тот же условный рефлекс, который может быть привит средой, воспитанием, профессией и пр. (у музыканта, например, на музыку, у школьника на тот предмет, который он изучает).

Всем известны так называемые «загадочные картинки». Сначала нельзя отыскать имеющуюся в них замаскированную фигуру, но если удалось выделить эту фигуру в первый раз, то уже не видеть ее в дальнейшем невозможно, потому что подходите к этой картинке с установкой на данную фигуру.

Однако не все впечатления, влияющие на поведение личности, в состоянии создать в ней установку в собственном смысле слова; она создается лишь теми, которые интенсивно, эмоционально окрашены или часто повторяемы.

Отсюда понятие установки тесно соприкасается с понятием суггестивности. То активное впечатление, которое в состоянии вызвать последующее, и есть суггестивное. Иногда его действие увеличивается до фактора, производящего внушение.

Изучение детской личности, особенно в период полового созревания, показывает особо яркую впечатлительность психики; в этот период особенно яркой установкой детей является половое любопытство, обусловленное в большой мере резко выраженной функцией половых желез. Так как личный опыт вообще ему еще мало дает, то *внешняя* ориентация играет главную роль.

Половое любопытство и заставляет подростка, помимо его воли, прислушиваться к новым процессам в его организме и наталкивает его на разгадку еще не ясной ему тайны пола.

Несозревший подросток, еще не переживавший серьезно личного самовосприятия своего полового созревания, часто следит за явлениями половой жизни взглядом любопытного соседа.

Неточность языка ребенка или подростка создает несоответствие между словами и понятием, которое вкладывает в них ребенок. Отсюда тот часто наблюдаемый нами целомудренный цинизм подростка или ребенка; ему что-то известно, что-то понятно, но это не совсем то, что знают взрослые.

Из сказанного ясно, как велико может быть значение влияния социальных аномалий сексуального порядка на установку детей периода полового созревания, особенно если эти аномалии оказывают на них продолжительное воздей-

стве. Нужно еще принять во внимание, что если домашняя среда дает длительные впечатления нездорового порядка, то школа, даже при самой правильной ее постановке, далеко не всегда имеет возможность своим более поздним влиянием вытеснить предшествующие яркие впечатления, наложенные домашним окружением.

Кроме того, для правильного здорового соотношения между личными особенностями подростка (или ребенка) и его окружения необходимо еще учитывать конституциональные особенности его личности.

Эти положения хорошо иллюстрируются следующим процессом, явившимся объектом нашей психологической экспертизы.

Заведующий одной трудовой школой послал помощнику прокурора *следующее заявление*: «Все девочки одной группы в количестве 22 человек, в возрасте от 11 до 13 лет, после медицинского осмотра их школьным врачом Д. пришли в класс сильно взволнованными. На вопрос преподавательницы о причине их взволнованности все в один голос заявили, что доктор «хулиган». Подробности мне преподавательница передать *постеснялась* и была так возмущена этим поступком д-ра, что *заплакала*». (Курсивом мы подчеркнули истерическую реакцию лица, через которое прежде всего преломились впечатления девочек и которое не владело собой в нужный момент.) Последовавший допрос девочек был произведен следующим образом: все дети были опрошены в одно время, отвечали хором и поправляли друг друга (заражали друг друга, таким образом, создавая массовый детский психоз). Дети дали следующие сбивчивые показания, которые были бессистемно записаны и скреплены подписями девочек и на другой день дополнены по памяти все той же опрашивавшей их преподавательницей: «меня осмотрел, а Любу прогнал»; провел со спины и провел туда да как схватит». «Нас всех выгонял и все выходил, запер дверь». «Осматривал плохо, только туда лазил». И особенно показание девочки К.: «ощупывал железы, поднял фартук, чуть не расстегнул брюки, прижал к себе; когда увидел девочку П.—оттолкнул»... Из записки по памяти: «мы все тряслись»... и т. д.

Д-р Д. был арестован, как обвиняемый по статье 152 УК. На судебный процесс 4 января 1930 года защитник А. М. Левин по просьбе обвиняемого вызвал экспертизу: психолога (докладчика) и д-ра невропатолога (С. Я. Рабинович).

Уже за несколько дней до суда мы начали производить *психологическое* исследование детей, давших показания, в их домашнем быту, учитывая их окружение. Когда психологическая установка была оформлена, нами была кооптирована для дополнительного обследования быта социолог Л. Б. Одер, допущенная по нашему ходатайству к активному участию в процессе суда. Указанное дообследование производилось как единолично т. Одер на дому, так и совместно с нами в школе (моменты, заимствованные из ее работы, будут здесь отмечены).

Слух о том, что д-р «хулиган» разнесся по инициативе девочки Ф. из старшей группы, которая еще в прошлом году была на приеме у д-ра. С цинизмом невинности и неприятным смешком рассказывала она нам и тов. Одер об этом исследовании врача: «Надо голову мерить» (откуда она может знать, что надо мерить), «а он груди (не печатное выражение) меряет зачем то»... «Раздел наголо, везде щупал (железы)». «Посадил на колени, а меня смех брал. Щекотно. Вышла, а девочка О. и спрашивает: «Расскажи, как тебя д-р *рассматривал?*». Ясно можно представить себе, как было истолковано девочкой исследование д-ра, если познакомиться с ее окружающей бытом и средой. По дополнительным сведениям, собранным тов. Одер: «отец девочки Ф. душевнобольной. Мать за это время сходилась много раз с другими. Живут в одной комнате. Последний сожитель Гришка «пожил с мамкой месяц и бил ее. Раз мамка еще в постели лежит, а Гришка на бутылку просит. Она не дала. Он *поставил ей фонарь* и ушел». Девочка Ф. и распространила слух, что д-р хулиган, потому что каждое прикосновение к ее обнаженному телу вызывало у ней специфическую установку, оформленную ее собственным бытом. «А в этом году,—говорит она нам и тов. Одер,—как узнала, что д-р будет девочек осматривать (раньше в школе была женщина врач), когда домой шла с девочками, девочкам *все* сказала». Каково было это *все*—ясно из предыдущего.

Почва для рассказов Ф. была благоприятна во многих отношениях: все девочки по разным причинам живо восприняли сказанное и каждая по-своему проработала это известие. Так, главная застрельщица группы, которая увлекла всех рассказать преподавательнице, девочка К., одиннадцати лет, истеричка, мало развитая, инфантильная для своего возраста. Психологическое исследование ее (на дому и в школе) установило в ней любовь к фантазированию, к рассказыванию сказок. Неграмотность языка; скудость запаса

слов; бедность вымысла. Элемент для своего убогого творчества девочка берет из окружающей ее действительности. Она конкретна, эмоциональна. Не лишена некоторой живости: рассказав нам, что самым счастливым временем ее жизни бывает ночь под рождество, «когда все готовят—старшие», она при повторном свидании в школе 1 января (может быть, под директивой старших) сама поправляет свою ошибку: «а мы новый год не празднуем, мы и рождество не празднуем, мы, дети, спим, а старшие работают». Особенно резко выражена у ней *внушаемость*.¹

На показанной ей в продолжение одной минуты и потом отнятой картинке она помещает ряд несуществующих предметов, или внушенных ей нами, или самочинно введенных ею. Например, через день и позже на суде она говорит, что под стулом у нарисованного на картинке мальчика „стоит примус“ (не существующий) и т. п. В первом случае, у девочки Ф. сама среда, производящая развратные действия на глазах девочки, могла создать нездоровую сексуальную установку; у девочки К. мы наталкиваемся на другое явление: в присутствии этой девочки обсуждается происшествие, недоступное ее пониманию, что могло создать аналогичную установку. Вот это происшествие в ее преломлении: «Прошлый год,—говорит она нам, уже при первом знакомстве,—пропадала на кладбище моя сестренка, Люся (4 лет); идет дяденька, говорит: «я тебе не одну конфетку дам, а много, и повел ее на кладбище... хотел с ней сделать»... (Какова степень понимания в этой области у этой 11-летней девочки?). «У нее были расстегнуты штанишки» (растегивание штанов все время фигурирует в показаниях девочки К. на суде). Однако смысл последнего акта в детском сознании девочки еще не отдифференцирован от растегивания штанишек для естественной надобности, что видно из ее пояснения, сделанного нам: «она просилась»... «А он стал растегивать штанишки, а здесь шли могильщики и привели ее домой. Дома было много разговору»... Это происшествие и создало определенную установку у девочки К. Из дальнейшего обследования тов. Одер выяснила, что К. из рабочей среды, отец член партии, как вошел в партию—резвый. В детях поощряет общественные навыки. Мать внимательна к детям. (Дети живут в отдельной комнате.) Семья

¹ Психологическое исследование производилось по методике, изложенной в нашей книге «Психологическая классификация личностей», 1927 г.

истеричная». Во время обследования тов. Одер все плакали. Отец заявил: «плачут по пустякам, без причины, надоели своими слезами (истерические черты, свойственные лицам, особенно внушаемым)». По словам матери, когда девочку вызвали в милицию (на первый допрос) — обе всю дорогу плакали.

До этого вызова К. дома *ничего не рассказывала* об осмотре врача. Казалось бы, в такой любящей семье девочка как-то и не могла бы ничего утаить от матери, если бы действительно серьезное что-нибудь произошло во время осмотра доктора. Девочка не застенчива: все вещи называет своими именами, с уже отмеченным нами целомудренным цинизмом. Только после повестки из милиции К. рассказала дома и взволновала всех, так как семья и без того была напугана тем, что было с их младшей девочкой два года назад. Соседка-жиличка укоряла мать К. позором ее младшей дочери. *«Оттого такие дела очень страшны»*, добавляет мать К. при обследовании тов. Одер. Во время нашего психологического обследования мать К. таинственно оберегала вход в комнату от соседок.

В процессе исследования девочка попутно сама рассказывает о д-ре: «Он плохой. Всех щипал. Прижимал к себе» (во время обследования). «Сел. Халат был узок. *Хотел снимать штаны*». (Оказалось на суде, со слов этой девочки и других: на д-ре был белый фартук и он поднимал его, чтобы вынуть носовой платок и часы). В конце К. добавляет: «не хотели говорить; сперва думали *может быть ошиблись*». Это наивное: «думали *может быть ошиблись*» выдает отсутствие реального факта, в котором ошибиться нельзя. Под влиянием определенной установки создавалась напряженность доискивания разгадки смутно сознаваемого явления. Установка, которая вырастает в *опасную предубежденность*.

Мы сами при обследовании в школе занимались в той комнате, где производилось обследование врача. Комнатка крохотная, в ней находятся вещи детей из детского сада, она не запирается, в нее все время входят. Диван, на который присаживался доктор, — легкий, соломенный, двухместный. Когда мы сажали девочек рядом с собой, они тесно нас касались. В комнатке было крайне холодно, во время психологического исследования легко одетые девочки тряслись от холода.

В показаниях все того же педагога имеется следующее сообщение детей: *«Мы стали его подлавливать: отвернемся*

и опять скорее смотрим. Подглядывали в двери, а он все нас гнал. Говорит, что вы шумите, спрашивает у нас устный счет, а мы и считать уже не могли». И вот эта девочка, которая может начать сказку словами: «Вот жили-были два брата, один был бедный, а другой богатый... Вот бедный вышел замуж»... — в судебных показаниях подписывается под словами, формулированными языком взрослого: «Врач несколько раз брался за свои брюки, пытаясь (слово не из ее словаря) расстегнуть их, но всякий раз (не ее словарь) ему мешали девочки... (Установка). Они намеренно (не ее словарь) мешали ему». И в конце—после торжественного признания: «Больше показать ничего не могу, все записано с моих слов и прочтено мне, в чем и расписуюсь»—детским дрожащим почерком выведена подпись. Если к социальным аномалиям можно отнести факты половой жизни, производимые в присутствии детей, или обсуждение при них сексуальных явлений, то неменьшей аномалией можно счесть детскую подпись в судебном деле или детскую парту в зале суда.

Расшифровывая шаг за шагом, как и из чего сложился этот коллективный психоз детей указанной группы, мы должны были изучить каждую девочку индивидуально в рамках ее социального окружения. Изучение среды дало нам следующее. Девочка В. 11 лет, из наиболее активных в этом деле—замкнутая (шизотимичка). Мать—душевнобольная. Младшие брат и сестра склонны ко лжи. Девочка развитая, но сексуально неблагополучная (по собранным нами лично сведениям, еще со времени ее пребывания в детском саду). Очень упряма (резко выраженный негативизм). Дает отказы на все прямые и наводящие вопросы. Неприятный смешок, резкое покраснение лица. Лишь путем нарочитого невнимания к событию удалось спровоцировать ее на рассказ про исследование доктора: «Он чуть нас всех не изнасиловал. Нас было 33 человека». На вопрос в плоскости эксперимента: расскажи самый несчастный день твоей жизни,—отвечает самопочинно: «Доктор, тем, что он безобразничал, ну вот тем, что он сделал... ну я не знаю как сказать... Не нахожу слов... Мне милиционер говорил, а я забыла». Вот откуда создалась комплексная установка девочки. До милиционера девочка дома ничего не говорила, только пошутукалась в углу с подругой ее возраста. «У меня все оторвалось в памяти... Вспомнила. Н. т. Да... Между ног, что доктор делал». Грубое оформление установки милиционером во время допроса. К. (первая девочка) сказала,

что «он уже штаны расстегивал». Зачем? «Не знаю». «А учительница сказала: «Бежали бы к нам сразу, мы бы его поймали на месте преступления». (На суде учительница отказалась от этих слов).

Некоторые девочки, обследованные лично нами, находятся в благополучном социальном окружении и на доктора ничего не показывают: «Девочки говорят, доктор плохой, а я ничего не заметила». Такие дети на суде не фигурировали.

Заслушав материалы дополнительного исследования дела до начала процесса, суд исследовательски подошел к рассмотрению дела, и обвиняемый был оправдан, так как с помощью психологической экспертизы было установлено, что в основе дела лежало нездоровое оформление установки подростков в половой проблеме путем прежде всего нездорового социального окружения. Было принято также во внимание воздействие на детей растерянного истеричного педагога, через которого дальше пошел неумелый допрос: соби́рание свидетельских показаний в общей массе истеричных девочек; беспомощность педагогического состава, неосторожное подсказывание милиции, ведшей дальнейший допрос, которым и закончилось оформление установки. Противоречивость обвинительного акта, где говорится, что доктор расстегивал брюки во время осмотра девочки В., тогда как это показание давала девочка К. Свидетельские показания комсомолок школы, где раньше занимался доктор Д., которые раньше ничего дурного не говорили о докторе (по словам свидетелей: заведующего фабзавучем и заведующего педологическим кабинетом), а теперь под влиянием новой установки старались вспомнить и подобрать факты на тему о том, что доктор «хулиган». (Что мало удалось.) Экспертиза врача-педагога и показание женщины-врача, раньше исполнявшей при школе обязанности доктора Д., все это доказало правильность того направления, которое дала делу психологическая экспертиза, заключение которой сводилось к следующему:

В деле имеются очень незначительные элементы лжи (маленьких свидетельниц, запутавшихся в показаниях на лицо). Несомненные элементы заблуждения (комсомолки и некоторые педагоги). Главный психологический фактор, вскрывающий *характер данной установки*, заключается в так называемой *произвольной иллюзии*.

Произвольная иллюзия знакома каждому.

Произвольным иллюзиям особенно охотно поддается ребенок в своей игре.

Иногда дети любят играть в медведя, заставляя взрослого надеть вывернутую шубу и изображать медведя. Дети *знают*, что это не медведь, а человек, и все же иногда в процессе игры они могут так напугаться медведя, что просят взрослого перестать быть медведем и снять свою шкуру.

В случае, нами доложенном, мы и имеем дело с игрой в медведя, где дети, заигравшись (вкус к такой игре привит нездоровым окружением), вовлекли в свою игру и взрослых (педагогов), которые не догадались поскорее указать запугавшимся своей игрой детям, что это не медведь, а вывернутая шуба.

Психологическое исследование установило нормальные психические функции доктора. Кооптированный нами психиатр, д-р Молоденков, диагностировал его как шизотимика, т.-е. лицо отвлеченное, чуждое реальности. Свидетельские показания взрослых (особенно ответственного съемщика квартиры, где живет доктор, партийца и др. авторитетных свидетелей на суде) установили, что доктор проявил себя как общественник, чрезвычайно скромный человек, начитанный.

Аналогичный случай встретился нам и на последней нашей экспертизе на суде 21 апреля 1930 г. Обвинение предъявлялось ответственным съемщиком квартиры, проживающим в одной комнате с своей женой, в том, что гр. Ф., проживающий в той же квартире с двумя сестрами и братом, развращал его дочь 8 лет, живущую в одной комнате с родителями. Это обвинение поддерживали и соседи из другой комнаты (муж и жена, живущие в одной комнате с двумя детьми), обвиняя гр. Ф. в развращении и их двух дочерей 4 и 7 лет (ст. 152 УК).

Психологическая экспертиза установила, что Ф., любя детей (4-х летняя девочка родилась за время его проживания в этой квартире), часто возился с ними. Поднимал на руки, показывал картинки и т. п. Две младшие девочки уезжали со своими родителями в город Б. Вернувшись оттуда, семилетняя девочка рассказала восьмилетней о том, что в городе Б., кто-то научил ее различать мочевые и анальные органы. (Установка создана,—внимание преждевременно обращено на ненужную область.)

Перед заболеванием корью 7-летняя девочка (очевидно, находясь в инкубационном периоде болезни), *под большим секретом*, потому что *стыдилась*, сообщила матери, что гр. Ф. касался рукою ее мочеполовой области. Мать приняла это сообщение истерически. С хохотом прибежала она в комнату к матери 8-летней девочки, и здесь обе матери выяс-

нили, что Ф. касался и двух других девочек таким же образом. (Можно себе представить, как велся допрос этих девочек.) Психологическая экспертиза установила чрезмерную внушаемость девочек, особенно четырехлетней, на показаниях которой также базировалось обвинение. Гинекологическая экспертиза и свидетельские показания на суде все были в пользу гр. Ф., который был оправдан. На суде матери семилетней девочки, первой открывшей секрет, был предложен вопрос со стороны психологической экспертизы: «Как объясняет она себе, что ее девочка семи лет могла стыдиться сообщенного по секрету матери факта, т.-е. дать оценку ему». Мать ответила: «Мы, взрослые, живем в одной комнате с детьми»...

В этом ответе формулировка одной из старых форм социальных аномалий, благодаря которой внимание ребенка обращается преждевременно на интимные стороны сексуальной жизни. Тормозится психический расцвет будущего строителя здорового быта. На эту сторону социального быта должно быть обращено сугубое внимание.

Необходимо далее не допускать детей фигурировать на суде не только в качестве обвиняемых, но и в качестве свидетелей. Необходимо создание особой следственной базы для детей, втянутых в криминальные дела.

Тов. Одер (Москва) делает подробный доклад о социологическом обследовании первого случая.

(Стенограмма не помещается в виду того, что все основные моменты доклада использованы в предыдущем докладе и также по условиям места. Ред.).

П **Р** **Е** **Н** **И** **Я**

Эдельштейн.—Среди материалов по социальному воспитанию необычайно много декларативного и крайне мало конкретного для проработки методологии социалистического воспитания; наша конференция тоже, по существу, грешит еще в значительной степени тем, что мы очень много времени отдаем на общие формулировки, на общие установки (на спор о том, врач или педагог, воспитание или просвещение и т. д.) Эта декларативность проходит красной нитью через всю литературу дореволюционную и послереволюционную. Но если споры об общих формулировках были вполне естественны и понятны в условиях дореволюционных, то для нашей советской школы, по сути дела, это свидетельствует о чрезвычайно слабом продвижении на этом

участке общевоспитательного фронта. Мало того, что нет у нас широкого опыта, но тот небольшой в этой области опыт, который имеется, является чрезвычайно односторонним. В самом деле, какой опыт мы имеем в области сексуального воспитания? В лучшем случае опубликовываются или докладываются случаи проведенной воспитательной работы в той или иной группе или среде. Об одном из таких опытов сегодня, очень бегло, рассказала т. Конюс, но когда я, в прошлом, слышал более подробный доклад на эту тему и высказал сомнение, насколько эта работа целесообразна и правильна в смысле получения положительных результатов, то наша дискуссия в значительной степени оказалась бесплодной. В этом отношении доброкачественным был бы опыт, который шел бы по методу клинического исследования, связанного не только с детальным изучением каждого случая, но и с последующей проверкой в жизни, иногда через большой промежуток времени.

Получение такого опыта в области сексуального воспитания чрезвычайно трудно, оно требует добрых полутора десятка лет; едва ли практически возможно в сколько-нибудь широких размерах учесть, в какой мере проведенное половое воспитание повлияло на организацию индивидуального социального поведения данного человека в области пола. Трудность получения такого широкого опытного материала позволяет думать, что небольшой материал, который удалось нам наблюдать в психиатрической клинике представляет известный интерес.¹

Случаи, которые я здесь привел, лишний раз подчеркивают, что так или иначе дети часто сталкиваются с вопросами пола еще в дошкольном возрасте, поэтому вопрос о надлежащей подготовке родителей в этой области является чрезвычайно важным, тем более, что роль родителей в настоящий момент еще очень значительная. В дальнейшем, когда система дошкольного воспитания охватит 100 % детского населения и дети будут в значительной степени устранены от отрицательного влияния семьи, вопрос этот будет стоять по-иному: для ближайшего же периода несомненно, что влияние родителей в этом вопросе будет весьма существенно, и перед родителями эту задачу ставить необходимо. Сооб-

¹ Далее докладчик излагает историю болезни 3-х случаев половых аномалий, подробно исследованных клинически. Описания эти опускаются по условиям места.

ценные мною факты показывают, однако, что несмотря на вдумчивую постановку сексуального воспитания, мы видим, что результаты могут быть не совсем благоприятны; сопоставление первого случая со вторым случаем отсутствия какого-либо систематического сексуального воспитания заставляет призвать к большей осторожности и сказать, что в этом ответственном деле необходимо накопление опыта, который позволил бы сделать определенные выводы. Пока этого нет, надо поставить учет социально-педагогических факторов.

Левентуев.—В качестве иллюстрации необходимости вмешательства педологов и педагогов в конфликты на сексуальной почве, в которых фигурируют дети, я приведу два факта: девочка, учащаяся фабзавуча, придя в школу, рассказала, что поздно вечером, когда она возвращалась из школы, группа в 10 человек напала на нее, заткнула ей рот платком и изнасиловала. Когда ее стали спрашивать об этом, она ярко нарисовала картину изнасилования. Заведующему школой и другому педагогу она передала происшествие по-иному: в ее рассказе замечалось поддельное смущение. Обследование выяснило, что девочка была истеричкой и что раньше знала половую жизнь. Дело до суда не дошло.

Другой случай: две девочки — подростки поступили на фабрику; инструктор, желая показать им, как надо держаться во время работы, сдвинул им ноги рукой. Девочки заявили, что инструктор хотел их изнасиловать. Родители детей бурно реагировали. Врач во время не вмешался, и дело грозило принять судебный характер.

Приведенные т.т. Петровой и Одер судебные процессы убедительно говорят о необходимости принятия решительных мер к устранению ненормальных явлений.

Левин (юрист, Москва).—Мне пришлось слышать реплики со стороны некоторых т.т. во время доклада тов. Петровой, в особенности — тов. Одер, что сообщение колеблет правильность самого приговора, настолько мрачна нарисованная картина. Это объясняется тем, что у тт. Петровой и Одер было слишком мало времени, чтобы вскрыть, как шло развитие показаний детей. Разрешите мне, как участнику процесса, указать, что когда дети говорили, что врач щипал щекотал — картина получалась тяжелая. Но когда вы посмотрите на показания детей с точки зрения медицинского осмотра, то получается нечто другое. Врач двумя пальцами захватывает жировой слой, — и девочка говорит: «он

щипал меня». Осматривались железы под мышкой—это щекотка. То же самое и в отношении паховых желез. С точки зрения девочки, это было действием любострастным, неправильным, хулиганским. С точки зрения медицины, эти действия правильны. В сущности, есть описание не 10 человек, а одной Клавы. Эта девочка давала тон. Педагоги неправильно подошли к выяснению этого дела. Одна воспитательница, о которой говорила тов. Петрова, бросилась к заведующему, смущенная. Затем, когда стали этот вопрос обследовать, взяли группу из пяти детей и допрашивали их хором. Это первое показание—хоровое показание, которым дирижировала Клава. Это есть показания не пяти человек, а одной Клавы, в семье которой в прошлом был тяжелый случай насилия. Мрачная картина, нарисованная детьми, это—картина эротического восприятия девочки К.

Подростки фабзавуча говорят, что врач пошляк и т. д. Я прежде всего спросил: почему вы раньше не говорили об этом. Если это верно, врач должен быть отдан под суд. Они отвечали: «тогда мы этого не сознавали, не чувствовали, а когда услышали о новом процессе, об осмотре в той школе, нам стало казаться, что он так осматривает». Одна из девочек пришла на суд при закрытых дверях и молчит. Оказывается, что девочка и в милиции не говорила, а все кивала головой. Щипал он тебя—кивок головой; хватал—кивок головой.

Я не буду подробно анализировать этого дела с точки зрения показаний в целом. Я хочу лишь сказать тем тт., которые подавали реплики с мест, что тут был применен неправильный метод действия, т.-е. неправильный допрос со стороны педагогов с самого начала. Процесс показывает, насколько необходимы правильная психологическая экспертиза и учет психологии детей при первоначальном ведении допроса.

Ривес (*И-т методов школьн. работы, Москва*).—Я считаю, что мы должны быть очень благодарны докладчику, который нам рассказал о случаях, которые по мнению некоторых тт., не имеют прямого отношения к повестке нашей конференции. Я имею в виду доклад Петровой и Одер. Я думаю, что в нашей резолюции надо с особой силой подчеркнуть момент охранения детей от травмы в судебных процессах, в судебной атмосфере. Заслушанный доклад показывает необходимость непосредственного участия психолога, педагога и социолога не только в процессах правона-

рушителей—детей, но и потерпевших—детей. Это должно занять не последнее место в нашей резолюции. Необходимо принять ряд практических мероприятий к осуществлению такого предложения.

Я бы хотел еще указать, что мысль т. Одер об изоляции детей от взрослых не примет ни один педагог. Вопрос об организации детских домов и школ вдали от города, где обыкновенно царствует разврат,—это идея не наша, это идея старая, идея Руссо, с которой нам приходилось бороться в начале Октябрьской революции. Если ставится сейчас вопрос о создании социалистических городов, то преследуется цель воспитания детей в духе коммунистической идеологии на основе взаимодействия поколений, а не изоляции детей от взрослых. Мы стремимся к вовлечению детей в социалистическое строительство, к участию детей в делах взрослых, чтобы тем самым вызвать влияние детей на взрослых. Мысль т. Одер нельзя признать отвечающей этой установке.

Выводы из докладов должны указать те меры, которые надо осуществить, чтобы вырвать детей из разлагающих их условий и создать соответствующие условия для их воспитания.

З А К Л Ю Ч И Т Е Л Ь Н О Е С Л О В О

Петрова.—Ко мне поступило несколько записок по вопросу, затронутому в докладе. За краткостью времени я не могла изложить работу, которая нами проделывается.

Относительно случая с врачом. Противоречий в показаниях было очень много. Мною записывались детально все показания. Если сравнить язык этих детей при устных показаниях и язык протокола, можно убедиться, что речь идет о совершенно разных вещах; взрослый подходит «антропоморфически» к этим вещам и приписывает свои понятия детям. Девочки различно реагировали. Исследование девочек при ближайшем знакомстве показывает, что интересы некоторых детские, без всяких отклонений и аномалий. В процессе была масса таких моментов, которые можно было бы вскрыть только демонстрацией показаний каждого ребенка.

Я должна указать здесь тт., что единственно, что заставило меня явиться к вам—это бить тревогу; так же, как дети изъяты из зала уголовного суда как подсудимые, они должны быть изъяты из суда как свидетели.

Сами педагоги подходили с предвзятой установкой. На мой вопрос к свидетельнице-педагогу: «Верите ли вы всем показаниям детей?», она спросила: «Вообще или в частности?» Задумалась и говорит: «Верю». — «Считаете ли, что их выражения адекватны их мысли?» — «Считаю, что у них не хватает слов». — «Вы говорили Вале: «Но почему вы не прибежали в класс и не сказали, мы бы сейчас же вошли в кабинет и накрыли бы его на месте преступления». Она вспыхивает и говорит, что она ничего этого не говорила. — «Позвольте, когда показания направлены против другого, вы верите, а когда они направлены на вас, вы не верите». Каждый момент процесса этот педагог воспринимал как попытку его развудалировать. После процесса она говорит: «Вы говорили девочке Вале, — вот педагог, который затеял это дело и его надо отдать под суд». — Я сказала ей: «скажите, вяжется ли это с тем, как я вела дело». — «Нет». — «Значит, в процессе суда было много лжи». — «Я не отрицаю, была ложь. — Клава истеричка, сестра ее подверглась изнасилованию».

Я согласна с т. Эдельштейном в том смысле, что в половом вопросе нужен индивидуализированный подход, так как пока нет трафаретного человека, то в вопросе полового воспитания есть отдельные индивидуумы.

Я не согласна с т. Одер относительно того, что детей надо отделять от взрослых. Наоборот, мы стоим за то, чтобы детей не отделять от родителей, а воспитывать их вместе со взрослыми.

Одер. — Моих оппонентов смутило слово «закрытая школа». Здесь я говорила об обобщественных формах быта в смысле создания определенного воспитательного комбината, где дети воспитываются с детьми и со взрослыми... Но я вовсе не имела в виду какую-то изолированную школу, и если у присутствующих создалось обратное представление, то я готова исправить эту ошибку.

Р Е З О Л Ю Ц И Я

Первая московская конференция по сексуальной педагогике, заслушав доклады тт. Молькова, Баткиса, Раскина, Ивановского

1) Одобряет все теоретически-принципиальные положения, выдвинутые в указанных докладах, как основу для

практической деятельности в области сексуальной педагогики.

2) Вместе с тем констатирует, что состояние знаний в сексуальной педагогике, методологическая распыленность проблем, входящих составным элементом в различные научные дисциплины, с одной стороны, заинтересованность ряда специальностей в изучении и ведении нормативной работы о области сексуальной педагогики (педагогов, педологов, психологов, врачей различных компетенций, правовиков-общественников и рабоче-крестьянского актива)—с другой стороны, и, наконец, возрастающие требования к воспитанию нового человека ставят на очередь *вопрос о консолидации сил и средств в этой области.*

3) В связи с этим представляется целесообразным организация всех заинтересованных учреждений, работающих в области сексуальной педагогики с широким привлечением рабочих организаций вокруг существующего объединения (Институт методов школьной работы, Ин-т охраны здоровья детей и подростков, Институт социальной гигиены), с приданием этой организации функций постоянного *научно-методического центра*, содействующего планированию и методологическому объединению работ отдельных учреждений, устанавливающего разделение труда между ними, с организационной базой при Институте социальной гигиены.

4) Задачей центра должна явиться проработка *методологии и методики* исследовательских и нормативных работ с целью унификации и единого планирования, на основе установок, принятых на настоящей конференции.

5) Исходя из этого, *содержание работ центра* представляется в следующем виде:

А. По линии подготовки кадров.

Проработка вопросов подготовки кадров, в целях правильной организации воспитательной работы в массовых детучреждениях, в связи с чем признать необходимым введение курса по сексуальной педагогике в соответствующих учебных заведениях (техникумах и вузах) и на курсах по повышению квалификации.

Б. По линии исследовательской работы.

Дальнейшая проработка методологии и методики исследования сексуальных проявлений путем постановки отдельных исследовательских работ через соответствующие институты и учреждения.

В. По линии нормативной работы.

а) Дальнейшая проработка методики и содержания работы педагога и врача в школе в этой области.

б) Проработка методологии работы консультации для педагогов, врачей, родителей, пионерработников и рабочего актива.

в) Проработка программ семинаров по сексуальной педагогике для тех же контингентов.

г) Созыв периодических конференций педагогов и врачей, с привлечением соответствующих общественных организаций, по вопросам сексуальной педагогики.

д) Руководство и инициатива в издании популярной, научной и методической литературы в этой области, в частности издание трудов настоящей конференции.

е) Организация связи с международными ассоциациями в этой области, дружественными нам, в частности с Международной лигой по сексуальной реформе, на ряду с организацией отпора реакционным международным объединениям, вроде ассоциации, возглавляемой А. Моллем.

ж) Подготовка Всероссийского съезда по сексуальной педагогике в 1930/31 г., с целью привлечения и организации работников периферии в этой области, с одной стороны, равно как с целью проработки проблем к предполагаемому в 1931 году Конгрессу международной лиги по сексуальной реформе в Москве.

б) Считая, что основной предпосылкой рациональной системы сексуальной педагогики является всестороннее *изучение детского* коллектива и каждого ребенка в отдельности как в стенах школы, так и вне ее, на ряду с изучением среды, так как от результатов этого изучения зависят объем, содержание и методика воспитательных воздействий, конференция признает:

А. Необходимость дальнейшего систематического накопления материалов по изучению сексуальных проявлений и взаимоотношений между полами в детском коллективе, в связи с выявлением влияния среды, путем постановки соответствующих исследований в этой области. На ряду с изучением всего комплекса сексуальных проявлений, изучение отдельных моментов полового развития и его отклонений, полового антагонизма в детской среде, сексуальных интересов у детей и педагогической реакции на таковые.

Б. Необходимость дальнейшей проработки методологии и методики изучения сексуальных проявлений.

В. Неприемлемость метода непосредственного опроса детей об их сексуальных проявлениях.

Г. Заслуживают оптимального внимания: метод наблюдений со стороны педагога за сексуальными проявлениями, дающий возможность систематизировать имеющиеся у педагога отдельные наблюдения, метод определения ассоциаций, фантазии и эмоций у детей, как направляющий и дополняющий метод наблюдений на массовых детских коллективах, метод жизненных задач (коллизий) и диспутов, дающий возможность выявить идеологию детей в вопросе отношений между полами.

7) В целях правильной организации социально-половой защиты детей конференция считает целесообразным образовать бюро экспертизы детских и юношеских показаний, о чем поставить в известность органы розыска, следствия и суда для юридического оформления такового, сосредоточив в бюро все материалы по делам этой категории с одновременной их научно-исследовательской обработкой и с соответствующей пропагандой сведений по психологии детского и юношеского свидетельского поведения среди учреждений и лиц, для которых эти сведения могут оказаться необходимыми.

В связи с этим конференция обращает внимание НКП и соответствующих общественных организаций на необходимость усиления законодательной охраны детей: 1) в семьях, в случаях наличия социальных аномалий в них; 2) в судебном процессе, путем устранения детей, потерпевших и свидетелей по половым преступлениям, из общего судебного и следственного процесса и привлечения к разбору этих дел специально подготовленных врачей и педагогов.

8) Конференция поручает оргбюро обратиться со специальным обращением к педагогам, врачам и советской общественности по вопросам, связанным с проблемами сексуальной педагогики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Мольков, А. В.</i> —Вместо введения (вступительное слово)	3
I. Общие проблемы сексуальной педагогики	
<i>Мольков, А. В.</i> —Половое воспитание в системе общего воспитания .	5
<i>Баткис, Г. А.</i> —О подготовке педагога в области сексуальной педагогики	15
<i>Баткис, Г. А.</i> —Тезисы	22
<i>Баткис, Г. А.</i> —Программа лекций по сексуальной педагогике для слушателей педтехникумов IV курса	24
<i>Раскин, Л. Е.</i> —Проблема совместного воспитания и задачи школы .	25
<i>Ивановский, П. М.</i> —Роль врача в половом воспитании и образова- нии подрастающего поколения	32
Прения	35
<i>Раскин, Л. Е.</i> —Заключительное слово	44
<i>Баткис, Г. А.</i> —Заключительное слово	47
II. Частные проблемы сексуальной педагогики	
<i>Веселовская, К. П.</i> —Роль педолого-педагогических консультаций в сексуальном воспитании	50
<i>Ивановский, Б. Г.</i> —Роль физической культуры в сексуальном вос- питании	57
<i>Мольков, А. В.</i> —Заключительное слово	60
<i>Цейтлин, А. Г.</i> —Проблема изучения детской сексуальности и вопрос о методике исследования сексуальности у детей	63
<i>Ривес, С. М.</i> —Половой антагонизм в детской среде	65
Прения	75
<i>Ривес, С. М.</i> —Заключительное слово	79
<i>Цейтлин, А. Г.</i> —Заключительное слово	81
III. Из области сексуальных аномалий	
<i>Брусилловский, А. Е.</i> —Достоверность детских и юношеских свиде- тельских показаний по делам о половых преступлениях	83
<i>Петрова, А. С.</i> —Социальные аномалии и их влияние на установку детей в период полового созревания	93
Прения	102
<i>Петрова, А. С.</i> —Заключительное слово	106
Революция	107

ОГИЗ КНИГОЦЕНТР

ПЕДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Под ред. М. Я. Басова, А. П. Болтунова, В. О. Мочан, В. Н. Мясищева.

(Труды педолог. отделения Гос. педагог. ин-та им. А. И. Герцена.) 1930. Стр. 231. Ц. 2 р. 90 к. (Издательство „Раб. просв.“)

ЗАЛКИНД А. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДОЛОГИИ. (Дешевая б-ка просвещенца.) 1930. Стр. 264. Ц. 55 к., в пер. 68 к. (Издательство „Раб. просв.“)

Основные вопросы педологии. Педагогика, педология, медицина. Вехи научно-педологической работы.

ЗАЛКИНД А. ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ.

2-е испр. и дополн. изд. (Б-ка педагога.) 1930. Стр. 302.

Ц. 1 р. 70 к. (Гиз.)

Цель сборника — привлечь внимание к социально-биологическому анализу наиболее жгучих проблем воспитания в советских условиях.

ЗАЛКИНД А. ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ. 2-е, дополн. изд. 1930.

Стр. 340. Ц. 2 р. 50 к., в пер. 2 р. 75 к. (Изд-во „Раб. просв.“)

ВЕСЕЛОВСКАЯ К. ПЕДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ. 1929. Стр. 77. Ц. 45 к. (Издательство „Раб. просв.“)

Сжатый очерк биологических и социальных основ изучения половой жизни школьника и дошкольника и методика полового воспитания.

ВАИНБЕРГ В. ПОНИЖЕННАЯ ОДАРЕННОСТЬ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ. С 215

диагр. и табл. 1929. Стр. 190. Ц. 2 р. (Изд-во „Раб. просв.“)

Исследование степени сопряженности пониженной одаренности детей и подростков с фактами социально-экономического, культурно-бытового и конституционально-соматического характера.

ПРОДАЖА в МАГАЗИНАХ и ОТДЕЛЕНИЯХ КНИГОЦЕНТРА